

Life

Ночной
магазинчик

Я знаю, что хороша собой, мне говорили это не раз, но отношусь к этому спокойно. Что мне с моей красоты? Часто приходится слышать от женщин, с несложившейся личной жизнью, разговоры о том, что виной тому их якобы неброская и посредственная внешность. Но разве обязательно счастливы обладательницы голливудской внешности? Я не разубеждаю тех женщин, хотя могла бы это сделать...

Лист первый

Что мне сказать?

Я знаю, что хороша собой, мне говорили это не раз, но отношусь к этому спокойно. Что мне с моей красотой? Часто приходится слышать от женщин, с несложившейся личной жизнью, разговоры о том, что виной тому их якобы неброская и посредственная внешность. Но разве обязательно счастливы обладательницы голливудской внешности? Я не разубеждаю тех женщин, хотя могла бы это сделать.

Скажу о себе. Мне тридцать. Имею высшее образование, работу в престижной преуспевающей фирме, где за пять лет сделала карьеру, и где ценят как мои деловые качества, так и умение называть вещи своими именами.

Я умею выстраивать сугубо деловые отношения, не допуская в них ничего личного, относясь к человеку так, как он того заслуживает, а не от того насколько он симпатичен мне.

У меня двухкомнатная квартира — место, куда мне каждый раз хочется возвращаться, и где я вовсе не чувствую себя одинокой.

Не обделена я и мужским вниманием, и чего бы еще желать, но счастлива ли я? Знаю, многие стремятся к тому, что я имею, совершенно не догадываясь или не желая верить, что красота, положение, деньги не всегда и не везде решают твои личные проблемы. Но горькое знание этого не разрушает стен моей темницы, и я подозреваю, что одинаково тяжело страдают и те, что «имеют», и те, что «не имеют» всего этого.

Нынешним вечером для меня все, возможно, измениться, хотя я, все же, опрометчиво не возлагаю свое будущее на мужчину, которого недавно узнала. Этим вечером я жду в гости Родиона. Его отличал ум, решительность и конечно же, мужской шарм. Это, согласитесь, немаловажно, как и то, что он меня волнует. Я мечтаю, чтобы у меня с ним все получилось и, надеюсь, я для него не просто очередная интрижка, да и я никогда не опущусь до этого. Остается надеется, что сегодняшней вечер станет решающим в наших отношениях. Хотя весь мой предыдущий опыт знал только расставания и потери, я все же решила рискнуть. Ведь не может же быть такого, чтобы счастье являлось для меня недостижимо, как линия горизонта.

— Что для вас, мадам? — как всегда обратился ко мне Сеня, продавец небольшого круглосуточного магазинчика, носящее пышное название «У короны»

Не очень удачное название, даже совсем неудачное для такой лавки. Но не смотря на это магазинчик пользуется у местного населения популярностью, особенно у бабушек, домохозяйек и работающих женщин. Все называют его просто «Корона».

Когда ни загляни в «Корону», здесь всегда можно купить свежие продукты. Правда иногда забредают алкаши, но в «Короне» их не привечают и в долг не отпускают.

Строптивный, дотошный, нагловатый Сеня знает всех своих завсегдатаев поименно, и не очень-то с ними церемониться. Они же, почему-то, спускают ему все.

— Ты уж, сынок, меня не обсчитывай, мне пенсии еще неделю целую дожидаться, — порой, плакалась ему какая-нибудь бабка.

— Кто тебя обсчитывает, баб Клара? Вон, у дверей контрольные весы, иди и проверь, сколько твоя свекла весит, — ворчал Сеня, беззастенчиво обвесив старуху на двести грамм. Прохиндей!

— Ты бы мне, Сеня, свеколку-то покрепче положил, что б не завалившаяся была, — пыталась сквозь очки разглядеть лежащую на весах свеклу баба Клара.

— Когда это вы у нас покупали, что-нибудь заваливавшееся, а? — оскорблялся Сеня.

Объяснить, что в «Короне» всегда были свежие продукты, довольно просто: в таком небольшом магазинчике товар расходился быстрее, чем в огромном супермаркете, который надменно сверкал витринами, красуясь пестрой рекламой, почти через улицу от «Короны».

Я тоже отношу себя к завсегдатаям магазинчика, хотя тот же Сеня ни разу не обратился ко мне по имени, только «мадам». Каждый вечер я захожу в «Корону», где за одним длинным прилавком размещается и бакалея, и выпечка, и овощи, а за витриной холодильника молочные и мясные продукты. Напротив прилавка, у стены, висит холодильник битком набитый бутылками пива и газированной воды. С одной стороны, вплитык к нему размещена витрина с парфюмерией: кремами, мылом, шампунями, лосьонами, лаками и, непонятно было, как все это умещалось за узкими стеклами стеллажа. С другой стороны холодильник шкаф подпирает низкий лоток с мороженым и мясными полуфабрикатами: котлетами, пельменями, замороженными овощами и фруктами. В оставшемся свободном проходе, между прилавком и холодильниками, обычно теснились покупатели и, если выстраивалась хоть маломальская очередь в четыре человека, то уже не было никакой возможности разглядеть продукты за витриной тем, кто только вошел в магазинчик.

А вот Сене и его сменщице Людке, как ее звали все, наоборот было удобно курсировать по ту сторону длинного прилавка, свободно лавируя между ящиками помидор, яблок, мешками с картошкой и луком. Покупатели, терпеливо дожидаясь своей очереди, могли вдоволь налюбоваться теснившимися на полках товарами: конфетами, банками с разносолами, макаронами.

Как ни смешно это звучит в «Короне» мне хорошо. Вечером после работы, пристроив свою «Ладу» на стоянке и, возвращаясь домой, я неизменно захожу в магазинчик. Зимой здесь тепло, уютно светят лампы под, плетеными из соломки, абажурами, низко спускающимися к аппетитно пахнущим свежим батонам хлеба и булкам, аккуратно уложенными в корзины. Летом в «Короне» прохладно. Мерно гудят холодильники и глаза отдыхают от слепящего солнца в полумраке магазинчика. А с реклам, развешанных на стене и дверях, жизнерадостно смотрят ребята, внушающие каждому, что если он станет обладателем таких вещей, как «Орбит», «Кола» или сигареты Winston, то благополучие, здоровье и успех ему несомненно обеспечены, поскольку эти вещички и есть то счастье о котором он и не догадывался. Эй, не проходите мимо! Ведь, оказывается, так мало нужно для счастья. Купите эту мелочь! Что вам стоит? Иначе вашим зубкам — хана, или вас замучает жажда, или на вас, попросту, никто не обратит внимания, поскольку вы «не соответствуете», если не курите элитных сигарет. Ну, это кому что нужно для счастья. Об этом можно поспорить. Правда?

Таких магазинчиков, как «Корона» полно и они, практически, ничем не отличаются друг от друга, разве что атмосферой царящих в них. Мне не хочется заходить туда, где продавец, со вздохом оторвавшись от сериала, который смотрел по переносному телевизору или от лузганья семечек, неохотно, быстро, не скрывая досады, обслуживает покупателя, чтобы вернуться к своему занятию и, в сумрачной затхлости, за прилавком, среди гниющего лука и проросшей картошки, переживать яркие моменты красивых сериальных страстей.

В супермаркете вы не получаете даже этот минимум общения. Там все обезличено, кроме очередей в кассу. Насмотревшись на товар, и совершенно не представляя, что ожидает тебя за его яркой упаковкой, ты, стиснутая нервной, уставшей очередью, подходишь к кассе,

где, как на конвейере тебя, скорее всего и непроизвольно, обсчитает замученная кассир, которой просто некогда взглянуть тебе в лицо. Единственное, что ты можешь услышать от нее, это машинальное, заученное: «Добрый день» — и поэтому усталому приветствию, понимаешь, что для нее ты слилась с остальными в одно общее, безликое лицо капризного покупателя и, ты уже, даже, не какая-то там, к примеру, «мадам».

А мне вот по душе общаться с крикливой Людкой и терпеть ее грубоватый юмор, как и иронию ершистого Сени. Не знаю почему, но «Корона» чем-то напоминает мне бар, без которых не мыслит свой быт ни Америка, ни Европа.

Бар — место общения, где можно скоротать безжалостно одинокий, угрюмый вечер, не чувствуя себя всеми забытой. Ты просто сидишь и потягиваешь любимый напиток, который бармен, зная вкус завсегдатая, наливает сразу же, едва ты подходишь к стойке. Он охотно поддержит непритязательный разговор, а после третьей рюмки можешь рассказать ему все, и он выслушает, сочувственно поддакивая там, где нужно, и обязательно скажет, когда настанет время твоего последнего стакана: «Сегодня с тебя достаточно».

Там неяркий, рассеянный свет бра и тихая музыка создает настроение ровной, ностальгической грусти, которая утишает страсти дня и это служит той точкой, которую ты ставишь в его конце, каким бы он ни выдался. Как бы хорошо думалось о часах, прожитых с самого утра и до той минуты, когда ты уселся за столик в углу, или на высокий табурет у стойки бара, слушая перестук бильярдных шаров, негромкие разговоры, и смех посетителей, держа в руке стакан martini с, позвякивающими в нем, кусочками льда, а бармен внимательно и выжидающе смотрит на тебя, произнося насмешливо:

— Что для вас, мадам.

Очнулась я уже не в баре, а в знакомом магазинчике. Сеня нейтрально смотрит на меня. Две бабульки, что за мной с упоением судачили о будущей надбавке к пенсии, притихли. Теперь их цепкое внимание будет направлено на то, что я буду брать. Так было всегда. В «Короне», явно, не понимали зачем я сюда хожу, когда рядом находится супермаркет. Но снобизма, крутизны и шика мне хватало на работе. Знаю, в «Короне» меня не жалуют: Сеня беззастенчиво обсчитывает, а скандальная Людка, как правило, три дня переживает из-за моего, как она выражается, «прикида». Но я все время напоминаю себе, что моя жизнь, какими-то полчаса в сутки соприкасается с «Короной», и царящее здесь мнение обо мне не должны меня волновать. Напомнив, себе об этом, я сосредоточилась на покупках. Так: сыр «Фетакса», оливки и маслины, сладкий перец для «Греческого салата». Виноград и ананас, французские конфеты под шампанское. И пока проворные руки Сени укладывали продукты в пакет, я опять отвлеклась, решая, что мне надеть к приходу Родиона.

Говорят, что мужчины мало обращают внимания на такие мелочи, как цвет помады, как уложены твои волосы, какие на тебе туфли, но все это сильно дополняет твоё очарование. А я мечтала очаровать Родиона так, чтобы он не захотел сегодня уходить от меня. Думая об этом, я взяла протянутый мне Сеней пакет и, расплатившись, направилась к выходу.

— Эй, мадам, а сдачу! — напомнил мне вдогонку Сеня.

Уже взявшись за ручку двери, я обернулась:

— Оставьте себе, молодой человек, — мне страшно не хотелось возвращаться обратно к прилавку, но пришлось.

— Что значит «оставьте себе»? Нет уж, вы, пожалуйста, заберите свои деньги...

Понимая, что он проявляет свою щепетильность больше мне в пику, из вредности и желания досадить, чем из принципа, я молча вернулась под неприязненные взгляды двух

старух. В тишине магазинчика стук моих шпилек, раздавался выстрелами, расстреливавших их шаткое благополучие, потому что те двадцать рублей, которые составляли подаренную мной Сене сдачу, для них выросла до целого состояния. Я сжала мятые рубли в обтянутой перчаткой, ладони и покинула магазинчик, сопровождаемая напряженным молчанием.

И только выйдя на крыльцо, я смогла свободно вздохнуть, с наслаждением вдыхая пьянящий весенний воздух. Впереди меня ждал чудесный вечер, так неужели я испорчу себе настроение переживанием этого глупого, инцидента. Еще чего.

Я заторопилась к дому, прижимая к себе пакет с продуктами, с неловко болтающейся на локте сумочкой. Кажется, чего проще кинуть продукты в багажник моей Ладушки и подъехать к самому подъезду, но в том то и дело, что потом, пришлось бы думать куда приткнуть машину, а потом спать вполглаза, с испугом вскакивая и прислушиваясь к зовущему вою сигнализации — не твоя ли? Гораздо лучше когда за твоей машиной приглядывают, за что я исправно плачу.

Не дождавшись лифта, я поднялась на пятый этаж и открыла дверь квартиры. Тишина и знакомые запахи моего жилища успокоили меня, и я уже не спеша, принялась готовиться к приходу Родиона. Решив, что сначала займусь собой, а ужином потом, я наполнила ванну горячей водой, добавив в нее душистой пены. Нежась в ней, я расслабилась и кажется, вздремнула. Торопливо завернувшись в широкое махровое полотенце, я выбралась из остывшей воды, утешая себя тем, что если даже не успею с ужином, то, что нам помешает приготовить его вместе с Родионом, и поколебавшись, наложила на лицо маску. Потом, отбросив полотенце, придирчиво осмотрела свое тело: длинные стройные ноги, узкая талия, тяжелая грудь. Оно не принадлежало еще никому, им только любовались, да желали издали. Широкая резинка кружевных трусиков плотно легла на мой плоский живот. Бюстгальтер из такого же кружева, едва удерживал грудь. Сегодня это кружево падет к ногам Родиона и... все будет хорошо.

Смыв с лица маску и наложив на него крем, я, расчесывая волосы, решала, как будет лучше — поднять их или оставить распущенными. И так и так мне было к лицу. У меня густые послушные волосы, не испорченные ни химией, ни краской. Пока я их тщательно расчесывала, решение пришло само. Я ни за что не упрячу их в прическу, пусть они искушают и опутывают моего мужчину. Сняв со лба салфеткой лишний крем, я начала подкрашивать глаза, стараясь полностью сосредоточиться на этом действе, но мысли незаметно перенеслись к тем дням, когда я только узнала Родиона.

Мы познакомились на работе. Я приехала к нему в офис вести переговоры о нашем будущем сотрудничестве и убедить руководство его предприятия, что им выгодно работать именно с нами. Мы были в курсе того, что это производство присматривается к посредническим фирмам. Родион работал в мебельной фабрике, находя и обеспечивая ей необходимые заказы. Тогда ему уже предложили свои услуги наши конкуренты, отлично знавшие рынок сбыта, имевшие связи как среди покупателей, так и среди поставщиков, и, вообще неплохо развернувшиеся. Мы рассчитывали опередить их, но оказалось, что они опередили нас.

После той встречи, собравшись в моем кабинете, мы с моими коллегами обсудили все, что знали о прошедших переговорах наших конкурентов с представителем мебельной фабрики. Не стану раскрывать из какого источника нам стало это известно. Некоторый оптимизм внушило то, что заказчик, из-за которого шла борьба, еще не дал окончательного ответа нашим конкурентам. Проанализировав прошедшие переговоры, мы заметили их

небольшую промашку и решили воспользоваться ею. Этой промашкой, было навязчивое желание понравиться, а отсюда и невольное выпячивание своих успехов, хотя уж они-то прекрасно знали, что если клиент заинтересуется, то он самостоятельно узнает, как и об успехах будущего партнера, так и об его неудачах.

Поэтому в своем визите к заказчику, я коротко и сдержанно сообщила о наших возможностях, просто информируя и, ничего не обещая, после чего, попрощавшись, ушла, давая понять, что меня ждет работа с другими клиентами. Пусть это и было некоторым преувеличением, но ведь мы действительно не сидели без работы. На следующий день Родион позвонил мне и предложил работать с его заказом. Мы ликовали, но про себя я чувствовала, что Родион, представлявший заказчика, принял решение в пользу нашей фирмы, где-то из-за меня.

Работая с работодателями, мы всегда отбрасывали наши личные впечатления о партнерах, ставя во главе угла дело и для меня пугающе, внове оказалось то, что я думала о Родионе как о мужчине, а не как о деловом партнере. Эти мысли были навязчивы, смущали, сбивали с толку и я, кажется, ничего не могла с этим поделать, кроме того, чтобы тщательно скрывать их. Подобное случилось со мной впервые. Может быть потому, что мне до этого приходилось иметь дело с солидными мужчинами, имевшими за плечами большую часть прожитой жизни, обязательное брюшко и лысину, и беззастенчиво откровенно прикидывающие в разгар деловой встречи, лягу я с ними в постель сразу, и если нет, то, во сколько им обойдется затащить меня туда.

А вот Родион... Внешне он чем-то походил на Дэвида Духовны, к тому же оказался моим ровесником и при первой встрече смотрел на меня холодно, оценивающе. В наши с ним деловые встречи и телефонные разговоры, он не выказывал ко мне ничего кроме вежливости. Но вчера, в ресторане, где мы отмечали удачную сделку с поставщиками древесины, убедив их уступить нам в цене, я украдкой наблюдая за манерой его разговора, улыбкой и сдержанными жестами, вдруг обнаружила, что тоже являюсь объектом его пристального внимания. Я разволновалась как девчонка и, чтобы вернуть себе самообладание, отпросилась в дамскую комнату. Когда же все разъехались, вполне довольные друг другом и собой, Родион попросил меня посидеть с ним еще немного, и я осталась. Мы говорили обо всем и ни о чем, совсем не замечая времени. Моя неловкость и скованность растаяли перед его обаянием. Нам было так легко друг с другом. Расстались мы лишь после того как договорились о следующем свидании, которое и состоится сейчас. Возможно, эту ночь мы проведем вместе. Меня влекло к нему, да и он уже не скрывал своего желания.

Я резала на кухне салат, когда раздался звонок в дверь и, хотя я ждала Родиона, все равно оказалась не готова к его приходу. Отчего-то вдруг запаниковав, я заметалась по кухне, зачем-то хватаясь за тарелки, совсем позабыв снять фартук, так в нем и открыла дверь. А когда, ужаснувшись про себя, спохватилась, чувствуя, как в глобальной катастрофе рушится мир, решила, с трудом взяв себя в руки, что было бы глупо тут же при нем лихорадочно сдергивать несчастный фартук, и сделала вид, что его просто не существует.

По восхищенному и какому-то беспомощному взгляду Родиона, поняла, что волновалась зря — он даже не заметил проклятого фартука. Так что, уйдя на кухню с букетом чайных роз, я живо исправила свою оплошность.

— Тяжелый выдался день? — как можно беспечнее спросила я, внося в гостиную, брызнувшую хрустальным блеском, узкую вазу с розами и ставя ее на стеклянную

поверхность столика, между двумя свечами.

— Что? — очнулся Родион, до того задумчиво глядевший на меня. — Ах это... Знаешь, мне сейчас в голову не идет никакая работа.

Более чем откровенное признание. Улыбнувшись, я поправила тяжелые, источающие нежный аромат, бутоны и сообщила:

— Сейчас принесу салат.

— Я помогу, — вскочил с кресла Родион, но я покачала головой.

— Будет лучше, если ты откроешь вино, — и кивнула на бумажный фирменный пакет, из которого виднелось горлышко бутылки дорогого испанского вина, что принес с собой Родион.

Он безропотно повиновался. Мы сидели за столиком и, ведя неспешный разговор, потягивали вино. Оно было терпким, не очень сладким и кружило голову, а не било в нее сразу же, вышибая из осмысленного состояния, как шампанское. Не помню, как мы подошли к тому, что начали оценивать поступки и умственный уровень некоторых наших политиков, от которых разговор перешел на человеческие отношения.

— Я не сторонник объяснять себе и другим, поступки людей. Что я могу знать об их мотивах? Да и пойму ли я, собственно, этот мотив, — он поднял бокал, разглядывая вино на свет свечи. Насыщенно бордовое, оно, в глубине, играло золотистыми искрами. — И конечно же, был бы благодарен, если бы от подобного анализа избавили бы и меня, самого. Я ценю человека на столько, насколько он привлекателен лично для меня. Если между нами есть чувство приязни и симпатии, значит, мы сможем понять друг друга с полуоборота, и с ним у нас, соответственно, пойдет дело.

— Даже если у такого человека нет необходимых знаний, или желания выкладываться, работая на тебя? — спросила я, вообще-то, не придавая этому разговору никакого значения. Для меня важнее было слышать его глубокий голос, видеть выражение глаз, ощущать едва уловимый аромат дорогих сигарет, наблюдать за его движениями, когда он подливал в бокалы вино. О чем мы говорим? Зачем?

— Любого человека можно убедить работать с полной отдачей, показав ему его выгоду. Что касается знаний, то обучить сегодня не проблема. Особенно если это делать с терпением и любовью, — он выделил последнее слово особым тоном.

— Ты со мной согласна? — тихо спросил он, глядя мне в глаза.

Я молча улыбалась, не отводя взгляда от его лица.

— Вина? — Родион показал на мой пустой бокал.

Я кивнула. Он встал, прихватил бутылку, и обойдя стол, подошел ко мне. Присев на подлокотник моего кресла, плеснул вина в бокал, низко склоняясь ко мне и, казалось, заняв все пространство так, что мне стало трудно дышать. Я замерла с сильно бьющимся сердцем. Поставив бутылку, Родион обнял меня за плечо, и бережно коснувшись моего подбородка, поднял к себе мое лицо, приблизившись к нему. Я было вздрогнула от прикосновения его губ к моим глазам, но ведь именно так все и должно быть. Да, именно так, но опасный рубеж еще не пройден, мы еще только подходили к нему, и мне не следовало расслабляться.

Целуя меня, Родион гладил мои плечи, руки и когда коснулся груди, я заметно напряглась. Все в порядке, это лишь нормальная реакция женщины на мужское прикосновение. Я застыла, когда его пальцы чувственно погладили сосок поверх платья, но когда его ладонь забралась за его вырез и нетерпеливо сжала грудь, я вскочила и бросилась в противоположный угол комнаты, подальше от него. Возбужденный, ничего не понимающий

Родион вскочил и шагнул, было, ко мне.

— Нет! — чуть не закричала я, шарахнувшись в сторону. Меня тошнило.

— Что? — его возбуждение прошло, уступив место недоумению и раздражению. — Что случилось? Прости меня, если я...

— Нет... нет... это вовсе не ты... — торопливо зашептала я, едва справляясь со своей дурнотой. Что я могла сказать? Как объяснить?

— Скажи, что произошло? Что я натворил? — настаивал Родион, слава богу, не делая больше попыток приблизиться ко мне. — Что происходит?

Что происходит? Происходит то, что я опять раздавлена и уничтожена.

— Прости, — прошептала я, проведя ладонью по влажному от холодного пота лбу, тяжело и часто дыша. Все было ужаснее, чем мне представлялось. Я не могла заставить себя посмотреть на него. Мне казалось, что выражение его лица станет для меня окончательным приговором, и прошептала: — Тебе лучше уйти...

— Нет, погоди... Все дело во мне? — ткнул он себя в грудь, кажется сильно удивившись подобному предположению. — Если так, то поверь, я не желал ничего такого... не желал оскорбить тебя. Мне казалось, что мы оба хотим одного и того же.

— Так и есть... но все не так просто... я не могу, — мямлила я, силясь собраться с мыслями и сказать хоть что-то вразумительное.

— Так, — Родион пригладил волосы. — Значит, мне уйти?

— Да... то есть... я не знаю... — я действительно не знала, хочу ли, чтобы он ушел или остался. Чего может хотеть человек, вновь обретший свой кошмар?

— Что ж, — вздохнул Родион. — Прости, что испортил тебе вечер.

Слишком уж спокойно произнес он это и, одернув пиджак, направился к двери. Я так и не двинулась, стоя вжавшись в стену, дрожа как побитая собака, виновато смотря ему вслед.

— Думаю, тебе действительно лучше побыть одной. У тебя какой-то ненормальный вид. Ты действительно не хочешь, чтобы я остался? — обернулся он ко мне от двери. В ответ я только покачала головой. — Я позвоню тебе. Надеюсь, к завтрашнему дню ты придешь в себя...

Когда дверь за ним захлопнулась, я вздрогнула будто меня ударили. Он ушел, а я добралась до кресла и опустилась в него. Мой демон, жестоко напомнил мне, что он здесь и ни куда не делся. Пусть так, мне не впервой справляться с ним. Хуже то, что Родион наверняка объяснил мое поведение злым кокетством. А что еще можно подумать в подобной ситуации, даже если я себе не могу объяснить настоящую причину, происходящего со мной.

Я пила вино совершенно не заботясь о том, что могу испачкать платье цвета шампань и думала о том, что две мои любви, которые мне дано было испытать в своей жизни, не привели ни к чему, точнее привели к моему демону, завладевшему мной и очертившему вокруг меня некий круг, за который мне запрещено выходить. И до сего дня, я подчинялась ему.

Я влюблялась два раза: в институте и в начале своей карьеры.

Геннадий, моя студенческая любовь, когда дело дошло до постели, а я ничего не смогла с собой поделаться, заявил, что я попросту хочу его «продинамить». Он едва не взял меня силой, усугубив мое и без того ужасное состояние, не говоря о том тоскливом впечатлении о сокровенных отношениях, которые только только открылись мне. После этого я долгое время, без тайной дрожи, не могла выносить мужского прикосновения. С Геннадием мы расстались. Напоследок, он устроил мне безобразную сцену, крича, что мне надо лечиться,

что я напридумывала себе идиотских отговорок, оправдывая свою фригидность. Не хочу об этом вспоминать.

Миша. Я наполнила бокал дорогим вином и выпила его одним махом. Музыкальный центр снова воспроизвел задумчивое пение Криса Ри. Я заплакала и горький ком, стоявший в горле, постепенно растворился. Наша любовь поднималась и распускалась красивым роскошным цветком. Она была не реально романтична. Но главное то, что я полюбила. Осторожные, нежные прикосновения Михаила были приятны, не вызывая ни отторжения, ни страха. Я была счастлива и уверена, что ради него смогу перебороть и победить себя.

Наконец, мы уже не могли быть друг без друга, а ночью, которую решили провести вместе, повторилось то же самое, что и с Геннадием. Конечно, из моего сумбурного объяснения ошарашенный Михаил ничего не понял, он просто поверил мне, проявив, в отличие от Геннадия, такт и терпение. Через какое-то время, мы попробовали еще раз. Я... я очень старалась, но кроме истерики у меня ничего не получилось.

Вдруг, я поймала себя на том, что смеюсь. С чего это вдруг? Странный переход от слез к смеху, а вообще-то ничего странного, если учесть, что я пьяна. Рассмешила же меня мысль о платонической любви. Нам, людям, нынешнего века, это понятие чуждо. Для нас оно из области мифов. Раньше любовь и души влюбленных закалялись расставанием, многолетними ухаживаниями, неравенством положений и другими препятствиями. Сейчас ничего этого нет. Сняты все условности. Нам желается всего и сразу. Секс подменил само понятие любви. Иначе как объяснить, что отсутствие близости сломало моего любимого.

Тяжко вздохнув, промахиваясь, я с трудом налила себе еще вина, едва попадая в бокал и, расплескивая большую его часть мимо. К черту платье цвета шампань!

Так вот! Закончилась моя история с Михаилом тем, что придя ко мне в больницу, куда я легла на обследование, он сообщил, что пока я здесь, он съездит к своим родителям. Он уехал, а я обошла всех специалистов, каких только знала. Общий вердикт, что был мне вынесен, гласил, что я физически и психически здорова. Дело даже дошло до гипноза, и я согласилась на него, пока не узнала, что Михаил женился. Теперь у него подрастает дочка Марина, а недавно я узнала, что он развелся.

Я всхлипнула. Видит бог, мужчин, которых я любила, больше, чем кто-либо на свете, хотела сделать счастливыми. Я вылила остатки вина в бокал.

Время лечит. Господи, какая чушь! Время забирает мысли, сглаживает память, утешает, но не лечит боль. Боль возвращается вместе с воспоминаниями, чтобы, порой, ударить еще сильнее. Конечно, с Родионом все кончено, и мне придется свыкнуться с тем, что он уже не вернется. В конце концов, нужно окончательно принять мысль о том, что мой удел одиночество.

Просидев так, кажется часов до трех утра, я добралась до кровати и, рухнув на нее, забылась тяжелым сном.

Лист второй

На работу я приехала не в лучшей форме и выдержала круговерть суматошного дня благодаря черному крепкому кофе, который умела варить моя секретарша Светлана. За работой мне удалось отвлечься от моего настроения, суицидной обреченности и какой-то по-идиотски упрямой надежды, что у нас с Родионом все образуется.

Неожиданно, к концу рабочего дня, мои надежды начали сбываться. В приемной раздался телефонный звонок. Я не стала отвлекаться, зная, что Света возьмет трубку и если дело не потребует моего личного вмешательства или сможет подождать, разберется с этим сама. За дверью кабинета Света, подняв трубку, о чем-то спросила, и сразу же заглянула ко мне, шепотом сообщив, что Родион Дмитриевич ждет на проводе. Моя рука, лежащая на мышке, дернулась так, что я чуть не удалила файл с отчетом над которым работала. Я убрала пальцы с клавиши и попыталась успокоиться. У меня так перехватило дыхание, что сердце сжалось до микроскопических размеров, и я судорожно задышала, словно рыба, выброшенная на сушу. Ни с того ни с сего, я загадала, что если наш разговор с Родионом коснется личного, а не окажется сухо деловым, то он останется со мной до конца и поможет одолеть мне моего демона. И только после этого, я подняла трубку:

— Да...

— Марина? — раздался бархатный голос Родиона. Он замолчал, ожидая моего ответа и не дождавшись, уверено продолжала. — У тебя отличная секретарша. Не хотела соединять меня с тобой, не смотря на то, что я все-таки ваш работодатель.

— Вы что-то хотели, Родион Дмитриевич? До конца рабочего дня осталось немного, а мне нужно закончить работу. Не хочу оставлять ее на завтра.

— Тогда я буду предельно краток, Марина Евгеньевна. Как насчет того, чтобы встретиться сегодня вечером и поговорить? Ведь нам есть о чем поговорить?

— Хорошо, — сохраняя ровный, отстраненный тон, сказала я, улыбаясь во весь рот.

— Тогда я подъеду к тебе домой. Ладно?

— Не теряй меня, если я ненадолго задержусь. Я зайду в магазин.

— Договорились.

Какой к черту отчет! Мне хотелось заорать во все горло, встать на голову или сплясать на столе. Сама не знаю как, но я закончила отчет и даже успела его распечатать. Рабочий день как полчаса закончился. Я накинула жакет, передела туфли на лодочки, взяла сумочку и, поискав в ящике стола ключ от кабинета и приемной, вышла.

К моему удивлению, Светлана все еще сидела за своим столом. Обычно, без пятнадцати пять ее место уже безнадежно пустует, поскольку дома, как ее, так и ужина с нетерпением дожидается муж и сын дошкольник, так что приемную и кабинет я закрываю сама. Сейчас же, даже не собравшись, Светлана сидела за столом и, подперев щеку кулаком, читала газету.

— Что случилось? — испугалась я. — У тебя что, дома неприятности?

Очнувшись, она непонимающе посмотрела на меня, потом на часы.

— Ужас какой-то, — побормотала она, не двинувшись с места, кое-как складывая газету. — Вы читали? Уму непостижимо, что вот уже месяц у нас здесь творятся страшные дела, а полиции, похоже, все до лампочки. Только и делают, что регулярно печатают в газете сводку об очередной жертве этого маньяка.

— Какого маньяка? — спросила я, запирая кабинет.

— Как какого? — раздраженно отозвалась Светлана, шурша пакетами. — Про него все газеты печатают. Нашли звезду, видите ли! А главное он в нашем районе орудует. Сволочь! И только одна газета предупреждает, чтобы по вечерам носа из дома не показывали, не ходили поодиночке и были предельно внимательными. А вот чем полиция занимается — про то ни словечка.

— То, что его не могут поймать, понятно. Он ведь свидетелей не оставляет... да где же он, — я никак не могла отыскать в сумочке ключ от машины. Неужели в спешке оставила его на столе. Придется снова открывать кабинет и искать там. — Свидетелей нет, никто его не видел и неизвестно кого искать... Ага!

Ключ нашелся, и пока Света выволакивала свои, битком набитые продуктами, сумки, я выключила ее компьютер.

— Так-то, оно так, — нервничала Света, натягивая курточку, следя, чтобы сумки, стоящие в ногах, не повалились на пол. — Но и у полиции много возможностей при нынешней современной технологии. Они же не с лупой до сих пор работают. Вон в сериалах криминалисты по найденному волосу и слюне на окурке, определяют пол и рост преступника и даже чем он в детстве переболел. Ни за что не поверю, что на растерзанных трупах женщин этот нелюдь не оставил следов. Может, ктонибудь из бедняжек перед смертью сопротивлялась.

— Если он не оглушал их ударом по голове, может и сопротивлялись, — я никак не могла дождаться, когда же Света подхватит свои сумки и выйдет за дверь. — И потом, ты больше сама себя пугаешь. Минусуй то, что пишут газеты. Давай я подброшу тебя домой, но с условием: про маньяка мы больше не говорим.

Света мигом подхватила свои сумки и, оборачиваясь ко мне на ходу, затараторила:

— Как я вам благодарна, Марина Евгеньевна, а то сижу и думаю, как домой пойду, и дойду ли живой вообще. Все, больше ни словечка не скажу. Была бы охота об этом изувере говорить. Женщин вот жалко. Ведь тут берегись, не берегись, кто-то все равно заканчивает работу поздно. Не каждую же до дома может подбросить начальство.

Высадив Свету у ее дома, я доехала до своей стоянки и, поставив машину, поспешила домой, по привычке замедлив шаги у «Короны». Вчера ночью я постаралась на славу одна допив бутылку вина. Едва я ступила на крыльцо магазинчика, как меня окликнули. Обернувшись, я с удивлением увидела, подходящего ко мне, Родиона.

— Я ждал тебя у супермаркета, — объяснял он, улыбаясь моему изумлению.

Похоже, он, не смотря ни на что, был рад видеть меня так же, как и я его.

— Ты говорила, что заедешь в магазин, вот я и решил перехватить тебя у супермаркета. Потом увидел твою машину, подрулившую к парковке, и подумал, что успею догнать тебя там, но видимо мы разминулись. И, все равно я, как видишь, перехватил тебя. Нам обязательно сюда заходить?

О выпитом вине, разумеется, говорить было нельзя, неудобно, и я сказала первое, что пришло в голову: у меня закончился хлеб и ватные диски. Но главное, мне необходимо было время, чтобы подготовиться к предстоящему объяснению.

— Хорошо, пойдем, — согласился он и, взяв меня под локоть, открыл передо мной дверь магазинчика.

На меня пахло знакомым ароматом бакалеи: свежим хлебом, сахаром, копченостями. Мы вошли. Пальцы Родиона стискивали мой локоть. Он огляделся с видом человека непонимающего, как его сюда занесло и что он здесь делает. Я же была неприятно удивлена

тем, что у прилавка стояла небольшая очередь. По какой-то необъяснимой прихоти, именно сегодня, когда я зашла сюда с Родионом, здесь толпился народ и, как на грех, за прилавком, вместо Людмилы, сновал Сеня. Одно хорошо, что ему, похоже, некогда было пререкаться. Заняв очередь, я уже пожалела, что затащила сюда Родиона.

— Женщина, извините, но не могли бы вы купить мне хлеба?

Со своего места в очереди, я посмотрела вперед. Говорившая оказалась сомнительного вида тетка, неопределенного возраста. Вытянутая футболка бесформенно висела на ней, а мятые спортивные штаны пузырились на коленях, но одежда хоть и была мятой, слава богу, выглядела чистой. Собранные в хвост волосы, спрятаны под обтрепанную бейсболку. Все это время она топталась у витрины с нарочитой внимательностью разглядывая лежащие за ней продукты, время от времени, не уверенно поглядывая на отоварившуюся плотную женщину в дешевом синтетическом жакете с люрексом и трикотажной юбке. Тетка придирчиво оглядывала продукты, выкладываемые перед ней Сеней, однако без всяких замечаний, запихивала их в пакет. Две стоящие передо мной женщины, до этого неприязненно оглядывая попрошайку, тут же насторожились, готовые сорваться на скандал, если та вздумает сунуться без очереди.

Почувствовав общее настроение, бомжиха приложила руку к груди и просяще произнесла:

— Простите, что я без очереди... мне бы только хлебушка...

— Всем хлебушка, — последовал быстрый и суровый ответ, я даже не успела понять, которая из женщин сказала это, но та, что стояла передо мной, вдруг завелась:

— Не пила бы, так и не побиралась. На вас на всех хлеба покупать никаких наших денег не хватит, — с какой-то радостью выплеснула она свое раздражение на подвернувшуюся попрошайку.

— Во-во, — поддержала ее другая. — Ты ей хлебушка, а она тут же за угол с мужиками водку жрать, да нашим хлебушком закусывать...

— Мы же еще ее кобелей должны кормить, а у нас дети...

— Куда смотрит администрация магазина? — шепнул мне Родион, брезгливо оглядывая попрошайку. — Тут, явно, пахнет антисанитарией.

Я осторожно принялась и оглядела бомжику внимательнее. Она не походила на опущенных, грязных, безликих существ, роющихся по помойкам. Ее лицо не было испитым, опухшим, а голос звучал чисто, без характерной для пьющего хрипотцы. По какой-то причине, она оказалась без работы, муж, наверняка, пьет и бьет, а на руках, наверное, еще и дети, из-за которых она бьется и держится из последних сил.

Отоварившаяся тетка, враждебно взглянув на нее, подхватила свои пакеты и молча, направилась к двери. Все, что надо она взяла, остальное ее не касалось.

— Говори какой тебе хлеб. Я куплю. Только побыстрее, видишь у меня очередь, — устало проговорил Сеня.

Его длинная челка, что вечно падала ему на глаза, на этот раз была убрана под ободок, открывая лицо.

— Да какой дадите, — с робкой надеждой повернулась к нему попрошайка.

— Не, ну интересно, кто его есть-то будет? Я что ли?

— Если можно то, белый, нарезной, — испуганно косясь на оторопевших баб, заикаясь попросила она.

— Вот, — Сеня выложил на прилавок батон белого хлеба, — тогда уж и булочку возьми,

что ли. Какую будешь?

Тетка, что стояла передо мной, судорожно вздохнула, но не произнесла ни слова.

— С повидлом, — прошептала попрошайка и, прихватив булочку и хлеб, поклонилась Сене и очереди. — Дай вам всем бог здоровья.

— Что, собрался кормить всякий сброд? — сварливо начала выговаривать ему тетка, чья очередь подошла. — А им, вот увидишь, это быстро понравится. Дождешься, что косяками к тебе пойдут.

— Что для вас? — холодно спросил ее Сеня.

Взяв свиную вырезку, хлеб и горох, она молча ушла, как и та, что стояла перед нами за пельменями на развес.

— Вам? — глянул на нас с Родионом Сеня.

— Будьте добры, милейший, хлеб, только свежий, — опередил меня Родион, не дав и рта раскрыть. — Ватные диски и сигареты «Кофе-крим», и сложите все это, будьте любезны, в пакет.

Я закусила губу. Зря Родион так разговаривал с Сеной, тот не потерпит, чтобы его низвели до уровня лавочника. Сеня быстро и послушно сложил покупки в пакетик.

— Желаете-с еще чего-нибудь? — с преувеличенно подобострастным поклоном протянул он пакетик Родиону.

В магазинчик с шумом и гвалтом ввалилась пара подростков и пристроилась за нами, увлеченно решая на что хватит их карманных денег, на «пепси», или чипсы.

— Нет, у меня все, — проговорил Родион таким тоном, словно закрывал совещание у себя в кабинете. Неужели всерьез принял кривлянье Сени за чистую монету?

Достав кожаный бумажник, Родион неторопливо вынул купюру и положил на прилавок.

— Сдачи не нужно, — небрежно бросил он.

Сеня, подобострастно склонив голову набок, следил за ним озорным взором. Подростки притихли, глядя во все глаза то на него, то на Родиона. Весь вид Родиона: его дорогие вещи, вальяжность, может, невольное высокомерие с которым он вел себя, все это являлось резким диссонансом всей обстановке магазинчика. Выглядело все так, словно какого-нибудь аристократа, волею судьбы, вдруг занесло в убогую крестьянскую хижину. И Родион всячески старался подчеркнуть эту разницу, как и то, что он здесь случайно. Зацени!

Небрежно подхватив пальцем пакетик с хлебом и ватными дисками, Родион взял меня под руку и повел к выходу.

— Нет уж, вы извольте забрать свою сдачу, — донесся до нас голос Сени. — Мы не какие тамнибудь... Мы ни-ни... доверием клиентов не злоупотребляем-с... Нам, знаете, чужого не надоть... — и пока он, сосредоточенно сдвинув брови и шевеля губами в показном усилии, отсчитывал на ладони мелочь, тинэйджеры, отвернувшись к витрине, давились от смеха.

— Вот... — Сеня с гордостью протянул ладонь с горстью монет, наверняка выгреб все мелочь из кассы, глядя на нас круглыми и невыразимо честными глазами. — Вот! Все до копеечки... и даже не сомневайтесь... мы честные, не какие тамнибудь... можете пересчитать... да что бы мы... да ни-ни...

Поняв, что над ним попросту потешаются, Родион напрягся и побагровел. Я поспешила к Сене. В конце концов, кто-то должен был положить конец этому фарсу. Он, испуганно заморгав, склонился над моей протянутой рукой и высыпал монеты мне в ладонь, с подобострастием купеческого приказчика.

— Милости просим к нам еще... Вы уж осчастливьте нас... не забывайте, так сказать...

Стараясь не обращать внимание на его ерничанье, я вернулась к Родиону, сжимая в кулаке мелочь и поспешила вывести его из магазинчика. Как только за нами захлопнулась дверь, до нас донесся дружный хохот тинэйджеров, выкрикивавших с восторгом: «Здорово ты их сделал!»

— Подонок! Недоносок! Быдло! — прорвало Родиона, едва мы спустились с крыльца. — Со мной никто так не смеет обращаться! Щенок!

— Успокойся, прошу тебя. Парень же дурачился. Тебе просто не следовало вставать в позу барина, вот он и подыграл тебе.

— Что?! Ты же его еще и защищаешь? Ну, знаешь ли...

— Он просто пацан, будь же снисходителен... — пыталась я успокоить, не на шутку разошедшегося Родиона.

— У меня такие молодчики вот где сидят, — в ярости сжал кулак Родион. — И пикнуть не смеют. И умоляю тебя, не суй ты мне эту мелочь. Что мне с ней делать?

— Но, ведь, это твои деньги. Мне-то, что прикажешь с ними делать? — я едва удерживала рассыпающуюся горсть монет в кулаке.

— Что хочешь, — последовал спокойный ответ Родиона, задумчиво глядящего на меня. — Не пойму я тебя, Марина, зачем надо было заходить в эту конуру, если рядом есть приличный супермаркет. И, вообще, я бы не советовал тебе употреблять в пищу то, что приобретено в этом сельпо для люмпенов.

— Дело не в магазинчике, Родион, — я взяла у него пакет, который он держал на пальце, отстранив от себя подальше, — а в том, что ты не сумел достойно принять шутку этого мальчишки.

Мне не в чем было оправдываться перед ним.

— Прекрасно. Видимо, разговора у нас с тобой сегодня не получится, — холодно отрезал он.

— Не получится, — согласилась я.

Повернулась и пошла от него прочь. Ему, все-таки, удалось навязать мне чувство вины. Обида и досада давили, выжимая из глаз предательские слезы. Ну сколько же можно быть сильной? Я шагала по тротуару с пакетом в одной руке и с пригоршней денег в другой, пока не догадалась ссыпать ее в пакет.

Впереди меня брела женщина в застиранной футболке, и я поспешила догнать ее. Она встревожено обернулась на стук моих каблуков.

— Пойдите, — попросила я, когда женщина, прибавив шаг, свернула было в подворотню.

Она послушно остановилась, с подозрением глядя на меня.

— Возьмите вот это, — я протянула ей свою визитку. — Завтра с утра придете по указанному в ней адресу, — длинным ногтем я очертила его на визитке. — Попросите охрану проводить вас в отдел кадров. Вам ведь нужна работа?

Женщина недоверчиво и печально смотрела на меня.

— Не забудьте паспорт, — напомнила я.

— Так ведь мой-то его пропил, — всхлипнула она. Робкая надежда, появившаяся было на ее лице, угасла и она протянула мне визитку обратно. — А то разве я бедствовала да побиралась?

Визитку я не взяла, а отдала ей пакетик с хлебом, ватными дисками, дорогими

сигаретами и звякавшими на его дне, деньгами.

— Тогда возьмите с собой те документы, что у вас имеются. Попробуем восстановить ваш паспорт.

— Я уже пробовала, а в милиции мне одно говорят, что я, мол, беженка, выдающая себя за саму себя. И все намекают, что б денег дала, а где у меня деньги, если сама с детьми с голоду подыхаю. Я же не обманываю...

— Хорошо, — перебила я ее, чувствуя, что она уже готова к слезной исповеди, выслушивать которую у меня не было никакого настроения. — Соберите все документы, что у вас имеются, и завтра с утра в отделе кадров посмотрим, что можно будет сделать.

Я отвернулась и быстро ушла, пресекая с ее стороны всякую попытку благодарить меня. Благодарить, пока, еще было не за что.

Этой ночью мне опять приснился обычный кошмар. Он всегда начинался одинаково: я лежу на холодном сыром асфальте, не в силах не то что подняться, а даже шевельнуться, при этом понимая, что если сейчас же не встану, то погибну. Мой взгляд упирается в потрескавшийся кирпич и выщербленную плитку, которой выложен фундамент какого-то развалившегося, нежилого дома. Откуда я уверена, что он нежилой, не знаю. Слышу приближающиеся ко мне неторопливые шаги, понимая, что обречена. Шаги останавливаются возле меня и кто-то, тяжело дыша, наклоняется ко мне. Тогда я вскакиваю в постели в холодном поту и потом уже не могу ни успокоиться, ни заснуть.

И на этот раз, очнувшись от кошмара, я вскочила с сильно колотящимся сердцем, и зная, что уже ни за что не усну, переместилась из спальни на кухню. Часы показывали четыре утра. Я сварила кофе и, устроившись на угловом диванчике за столом, принялась пить его мелкими глотками, глядя в окно. В доме напротив светились два окна. Кому-то тоже не спалось в такую рань. Темную громаду дома снизу доверху, ровными стежками, прошивала вереница слабо освещенных подъездных окон.

Как всегда после кошмара, я принялась раздумывать о возможной связи этого сна и моей неспособностью ответить на мужскую страсть, хотя никакой связи не замечала. Что общего могло быть между тем, что я валяюсь где-то на асфальте и тем, что испытываю панику от невинных ласк любимого человека. Хотя интуитивно чувствовала здесь тесную связь и поэтому раз за разом задавала себе один и тот же вопрос: почему один и тот же сон снится мне регулярно?

По-моему, давно пора было прекращать с подобными ночными бдениями и вплотную заняться этой проблемой, обратившись к специалистам. Но их методы не давали мне уверенности в конечном результате. Начнут они с того, что перевероят мое прошлое, а его у меня почти нет. Было беззаботное детство, примерная юность и усидчивое студенчество, была успешная карьера молодого специалиста и, наконец, есть женщина все больше осознающая себя глубоко несчастной.

Кофе был давно выпит и я, сложив руки на груди, начала мерить кухню шагами. И ведь то, что со мной происходит не заикленность на моей фригидности, а настоящая патология, противоречащая природе. Я остановилась, нахмурившись: о чем я сейчас думала? О сне или о моих отношениях с мужчинами? Я запуталась. Мне нужна помощь. Одна я не справлюсь. Родион? О чем он хотел со мной поговорить? Явно, о нашем, так и не состоявшемся свидании и если я расскажу ему все, как он поступит? Поверит, утешит или просто уйдет? Чем он сможет помочь? Легче всего помогать, когда твоя помощь не потребует от тебя ни усилий, ни лишних хлопот — подал милостыньку и все, твоя совесть чиста. Но биться до

конца над чужой проблемой, тратя свое время и нервы...

Не много ли я требую от Родиона? Но ведь я хочу дать ему именно то, чего он добивается. Если бы только он знал, что ломится в открытую дверь. Я опять загадала, что если после нашей ссоры, Родион объявится вновь, то предельно честно объясню ему причину своего вчерашнего поведения, как бы сумбурно это не звучало. Если он согласится подождать меня, если поверит, я пройду всех специалистов, приму любое лечение, ради него, ради нас.

Сварив еще кофе, я позавтракала и начала собираться на работу. После утреннего совещания у Быкова, меня отыскала Света. Оказывается, уже два раза звонили из отдела кадров с вопросом, имею ли я какое-то отношение к некой странной особе, что явилась устраиваться на работу, предъявив мою визитку. Я позвонила в отдел кадров и сказала, что эту женщину рекомендую на ставку уборщицы.

— С чего вы взяли, что у нас имеется ставка уборщицы? — иронично поинтересовался зав. отделом кадров.

— Мне известно, что еще месяц назад у нас была свободная ставка уборщицы, а новой уборщицы, я пока что не вижу.

— Мы не берем людей с улицы, — последовал ответ. — У нас все-таки не какой-то там овощной ларек...

— Что значит с улицы? Этот человек пришел по моей рекомендации, — Света начала делать мне какие-то знаки. — Ну как, Владислав Анатольевич, увижу я свою протезе с завтрашнего утра на работе?

— У нее нет паспорта, — сухо заметил зав. отделом кадров. — Вы в курсе?

— Разумеется. Но пока Света занимается его восстановлением, можно оформить ее на работу по имеющимся у нее документам временно, хотя бы на три дня.

— Мы не нанимаем временных сотрудников, — и Владимир Антонович положил трубку.

— В чем дело, Света? — спросила я, повернувшись к своему секретарю.

— Ох, Марина Евгеньевна, вы разворошили осиное гнездо. Ведь эта, якобы, свободная ставка уборщицы, на самом деле давно занята. И знаете кем? Тещей нашего незаменимого Поппи, — торопливо сообщила вездесущая Светлана.

Меня охватило раздражение. Опять этот мозгльк Поппи! С другой стороны, стоило ли связываться с этим гаденышем из-за неудачницы, о которой я ничего не знаю, кроме того, что она сама о себе рассказала.

— Я ни разу не видела, чтобы его теща убирала холл или кабинеты в нашем заведении.

— Она просто числится.

— То есть получает деньги за здорово живешь?

Света кивнула и добавила:

— В выходные и праздники холл убирает тетя Галя.

Господи, когда же она отдыхает, эта тетя Галя? Эта добродушная и простая женщина каждое утро мыла наши кабинеты и места общего пользования. Теперь, выходит, она работает еще и в выходные, убирая холл.

— Галина Викторовна получает за это доплату? — начиная злиться, спросила я.

— Сущий мизер. Вы же знаете, она тянет всю семью и согласна подработать за любую копейку.

— Кто-нибудь в курсе этого безобразия?

— Да все! Ну, а что мы можем сделать? Вы ведь знаете, что с Поппи бесполезно связываться.

Еще бы мне не знать. Я отлично понимала, что мое покушение на «свободную ставку» не останется без последствия, и оно, это последствие, заявило о себе минут через пятнадцать. Я листала свой органайзер, чтобы найти телефон поставщика для которого составляла смету, когда звякнул селектор внутренней связи.

— Марина Евгеньевна, зайдите ко мне, — попросил Геннадий Александрович Быков.

— Уже иду, — и захлопнув органайзер, я отправилась на прием к директору нашей фирмы.

— Марина Евгеньевна, — напомнила мне вслед Светлана, прося попридержаться стервозность.

Она отлично поняла, что причиной моего вызова послужил визит Поппи к Быкову.

Глеб Поппи, фамилию которого наши сотрудники переименовывают и перевирают, ставя ударение на первом слоге, являлся двоюродным братом жены Быкова. До того, как устроиться сюда, этот дальний родственник Геннадия Александровича прозябал инженером с копеечной зарплатой на загибающемся предприятии, пока его двоюродная сестра не замолвила за кузена словечко перед своим мужем. И Быков устроил бедного родственника у себя.

Отъевшись, Поппи огляделся и развернулся вовсю, начав пристраивать к сытым хлебам богатого родственника свою семью, для чего уволил двух толковых ребят без ведома Быкова, освободив места для своей тещи и брата своей жены. Вернувшись из загранкомандировки, Быков не сразу узнал об этих кадровых перестановках. Они обнаружились, когда сорвалась одна крупная сделка, потому что клиент вовремя не получил нужных расчетов. Быков угрюмо заинтересовался у зав. отдела статистики, почему он заваливает работу, и тот пожаловался на то, что у него не хватает специалистов и вообще, рабочих рук. Слово за слово и правда всплыла наружу. После, зав. отдела статистики рассказывал, что никогда в жизни ему не приходилось слышать такого потока сплошной нецензурщины, как в тот день от Быкова.

К ответу притянули Поппи. На того было просто жалко смотреть. Разбирательство закончилось тем, что Быков выкинул родственничка на улицу без выходного пособия, мотивируя свой поступок, (а точнее яростно крича, перемежая каждое слово матом) тем, что Поппи своими действиями нанес фирме убыток. Света рассказывала, что в отделе статистики по такому поводу даже открыли бутылку шампанского. А на следующий день, ничего не понимающие сотрудники фирмы, смотрели на, как ни в чем ни бывало, разгуливающего по коридорам Поппи.

Оказалось, что Поппи, как только разъяренный Быков вышвырнул его за дверь, сразу же бросился жаловаться его жене, своей кузине. Та не просто устроила мужу скандал, а призвала на семейный совет всех родственников и Быкову пришлось пойти с ними на компромисс — он оставляет Поппи в своей фирме, но его теща и шурина увольняются, освобождая ставки в отделе статистики. Так Геннадий Александрович вновь собрал в этом отделе специалистов, вернув, уволенных Поппи ребят и положив им оплату выше, чем они получали до этого. И сейчас выясняется, что теща Поппи вновь объявилась в нашей фирме уже в качестве уборщицы, теперь, очевидно, уже с попустительства самого Быкова. Что ж от уборщицы не зависит судьба фирмы, но премии она получает неплохие. Бесит и то, что вкалывающая за двоих тетя Галя, получает ее наравне с тещей Поппи, которую никто в

нашей фирме в глаза не видел.

Входя в приемную Быкова, я столкнулась с, выходящим от него Поппи. Он с вызовом посмотрел на меня и, не посторонившись, вышел в дверь первым. Едва кивнув ему в ответ, я вошла в приемную и с молчаливого согласия Элеоноры Михайловны, секретарши Быкова, постучала в дверь директорского кабинета и, открыв ее, вошла.

Геннадий Александрович, крупный мужчина лет пятидесяти, читал документ, требовавший его подписи. Наш директор был человеком дотошным и держал в голове все, что касалось работы, вплоть до мелочей. Я, например, могла не вспомнить о газетной статье, анализирующей российский рынок, а Быков мог напомнить о ней через месяц, точно сказав в каком номере ее искать. В море бизнеса Геннадий Александрович являлся одной из тех акул, что пожирает конкурентов, словно мелких рыбешек, не отступая перед сильным врагом, и не позволяя потопить себя. Он умел выживать, вытягивая свое дело, выкладываясь сам и выжимая соки из своих сотрудников, все их силы и нервы, заставляя порой работать на пределе своих возможностей. Разумеется, подобные авралы обрушивались на наши головы не часто, но мы всегда были готовы к ним.

Сам Геннадий Александрович производил впечатление флегматичного, медленно реагирующего на все тугодума, которого с трудом можно вывести из себя. Но те, кто проработал с ним не один год, знали его способность схватывать все на лету и мгновенно просчитывать ситуацию в свою пользу. Что касается его флегматичного темперамента то, став один раз свидетелем его гнева, подозреваю, что он сознательно культивировал эту свою флегматичность, скрывая истинный темперамент. А если добавить, что кроме жены у него имелась еще и любовница, то это подтверждало мою догадку.

— Присаживайтесь, Марина, — пригласил Быков, не отрываясь от документа.

Я устроилась на одном из кресел, стоящих вдоль длинного стола, на то же самое на котором сидела во время утреннего совещания. Дочитав документ, и размашисто расписавшись на нем, Геннадий Александрович отложил его в сторону.

— Неважно вы что-то сегодня выглядите, Марина, — проговорил он, не глядя на меня, рассеяно завинчивая колпачок паркера. — Я еще на совещании это заметил. Может вам взять недельку отпуска? Съездите в Египет, или в Испанию, или еще куда-нибудь. А всех поставщиков и их клиентов передадите мне. Связь с Родионом Дмитриевичем буду держать через вашу Светлану. Не впервой уже...

— Спасибо, Геннадий Александрович, я, честное слово, не хотела смущать вас своим видом. Просто не подумала, что кто-то обратит на него внимание.

— Как же не обратит... Вы у нас красавица, лицо, так сказать, нашей фирмы и вас, да не заметить. Скажете тоже... — укоризненно покачал он головой.

Судя по тому, как он подмасливал и льстил, мне была уготована горькая пилюля.

— Со мной все в порядке, и я не хочу брать отпуск. Просто не спала эту ночь.

— Что так? — намеренно удивился Геннадий Александрович.

— Я читала книгу о меценатстве. Ее автор рассказывает о некой теории, подтверждая ее примерами из жизни. Он доказывает, что богатство и успех приходят к тому, кто умеет отдавать и помогать, — начала я.

— Ну, на Руси об этом давно известно. Автор, поди, американец, а они до этого недавно додумались, — он помолчал и добавил: — Вы, конечно, в курсе, что мы спонсируем местный драмтеатр.

— Да, но на Руси никогда не путали благотворительность и милосердие с

меценатством.

— Хм, какая интересная книжка, — хмыкнул Геннадий Александрович, шевельнувшись и заскрипев своим креслом. — Дадите почитать?

— Обязательно. Но я вот, что заметила: иногда труднее помочь конкретному лицу, чем какой-то организации.

— Ага, теперь я понимаю ваше желание видеть конкретное лицо, моющее пол в холле, чем какую-то абстрактную тещу.

— Извините, Геннадий Александрович.

— Извиняться не стоит, и тут вы правы, но... вот Владислав Анатольевич говорит, что вы протезируете какой-то сомнительной личности, не имеющей документов, и он отказывается брать на себя ответственность, принимая ее на работу.

— Ее паспорт пропил муж. Она находит временные заработки, чтобы кормить детей и нахлебника мужа. Она его выгнала, но он периодически приходит к ней ворует вещи ее и детей, и дерется. Света сделала запрос в полицию и там удосужились поднять все те заявления, что она писала по поводу утерянного паспорта.

— Что вы говорите? — пробормотал Геннадий Александрович, постукивая ручкой по столешнице. — Ее дети учатся или еще маленькие?

— Девочка в третьем классе. Мальчика нужно устраивать в детский сад. Учительница не раз обращалась в детскую комнату милиции с просьбой оградить детей от отцовских побоев.

— И что?

— Ничего. Он ведь с ними не живет, и где обретается не известно. Появляется, когда у него заканчиваются деньги.

Какое-то время Геннадий Александрович молчал, о чем-то сосредоточенно думая, потом сказал:

— Оформим ее пока временно по тем документам, что у нее имеются. Пусть Светлана передает дело об утерянном паспорте Владиславу Анатольевичу. Он лично займется им. Я наведу о ней справки. А с ее мужем разберется наш охранник Игорь. Ему достаточно будет просто взглянуть на муженька, чтобы тот больше не появлялся у своей жены. Мерзавец! Это ж надо, детишек бить! Развод-то у них оформлен?

— Да.

Геннадий Александрович задумчиво посмотрел на меня и улыбнулся.

— Вы, Марина, открываетесь мне с совершенно другой стороны. Вы всегда казались мне такой холодной, равнодушной красавицей. Рад, что ошибся. Ну, хорошо! — он хлопнул по столу ладонью. — Я устанавливаю вашей протезе месяц испытательного срока с тем, разумеется, чтобы она об этом не знала. Если она оправдает наше доверие — оформим на постоянную работу. Лично вас это устраивает?

— Да конечно... Спасибо вам... — я встала.

— Но альтруизм, Марина Евгеньевна, все же должен иметь свои границы, — последовал мягкий выговор.

«Как и местничество» — подумала я и спросила:

— А как быть с тещей Глеба Германовича?

— Не беспокойтесь за нее. У нее довольно неплохая пенсия и насколько я знаю, строительство дачки уже закончено.

— Вы тоже открываетесь мне с другой стороны Геннадий Александрович, —

улыбнулась я. — По тому с каким видом вышел от вас Глеб Германович, я приготовилась к трудному разговору.

— Ну, он тут все расписал в черном цвете, обвинив вас в корысти. Я пообещал ему разобраться, и я разобрался.

Мы тепло распрощались. Что ж, я сделала что могла, дело теперь за Викторией, так зовут мою протеже. Либо она воспользуется предоставленным ей шансом и докажет, что мы в ней не обманулись, либо подведет не только меня.

День взял меня в оборот дел, и я на время позабыла обо всем, что не имело отношения к работе. Сообщение Светланы о том, что меня разыскивает Родион Дмитриевич, застало меня за переговорами с представителем фанерной фабрики. Вполне надежные ребята, которых я без колебания могла рекомендовать, как надежных поставщиков Родиону. Правда были некоторые сомнения в том, что требования мебельного предприятия окажутся для них чрезмерно высокими. Об этом у нас и шел разговор, но меня заверили, что фанерная фабрика справится с заказом, каким бы привередливым ни был заказчик, так как недавно они приобрели новое оборудование. К тому же они порекомендовали мне одну фирму по изготовлению фурнитуры. Наконец мы поставили точку в наших переговорах и я, вежливо отклонив предложение остаться на ужин, поспешила в офис.

Едва я вошла в приемную, как Света глазами указала на дверь кабинета, давая понять, что Родион ждет меня там. Я кивнула и тихо сказала:

— Не знаю, насколько затянется наш разговор, так что можешь уйти пораньше, чтобы не попасться с полными сумками в руки маньяка.

Упоминание о маньяке, заставило Свету живо вскочить с места и поспешить со сборами.

— Думаю, Родион Дмитриевич, тоже не задержит вас на долго, — принялась шепотом утешать меня она, прибирая на своем столе и выключая компьютер. — Я слышала, как он по телефону договаривался со своей женой...

О чем Света говорила дальше, я не слышала: меня словно заморозили. Какую-то долю секунды, я пребывала в ступоре, ничего не видя и не слыша. Потом смысл Светиных слов постепенно начал доходить до меня, вползая в сердце юркими ядовитыми змеями, жала его. У меня же было одно противоядие — не верить им.

— Почему ты решила, что он говорил со своей женой, а не с любовницей, например? — донесся до меня со стороны собственный, деревянный, голос.

— Ну, что вы, Марина Евгеньевна, — беспечно бросила Света, занятая перекладыванием продуктов из пакетов в сумку, — любовнице обычно не докладывают, что ребенка из садика заберет теща, а яблоки и молоко завезет домой шофер. Ну, я пошла, да? Тогда, до завтра.

Натянуто улыбнувшись, я кивком попрощалась с той, которая только что разрушила мои надежды на будущее. Опять, в который раз, я осталась ни с чем. Я тяжело опустилась на стул. За закрытой дверью кабинета, меня терпеливо ждал Родион.

Теперь наш разговор с Родионом виделся мне по другому. Я поняла о чем он хотел поговорить со мной. Речь пойдет не о нас и нашем не удавшемся свидании, а о том, что у нас нет будущего, и нам предстоит расстаться. Но одновременно с этим трагическим открытием, что Родион никогда не будет принадлежать мне, я неожиданно испытала облегчение: мне не нужно будет ничего объяснять. Да, что на меня нашло, что я даже не подумала о том, что такой мужчина как Родион может быть женат? Он тысячу раз прав, что решил поговорить об этом сейчас, пока мы не приросли друг к другу. Господи! У него растет ребенок, а я еще хотела навесить на него свою проблему. Вот сейчас он сидит и ждет за этой дверью, решившись на открытый честный разговор, чтобы рассказать мне тяжкую правду, и мы оба должны пойти на это испытание — отказаться друг от друга. Я справлюсь и, как бы больно не было, приму его решение, не обостряя наше расставание сценами истерик и слезами. Я привыкла к боли. А поплачу, когда останусь одна.

Я встала, одернула жакет, поправила волосы. Я буду достойна его мужества. Открыв дверь, вошла в кабинет и поздоровалась с Родионом. Он сидел за моим столом и при виде меня, захлопнул глянцевый иллюстрированный журнал.

— Наконец-то! Знаешь, пока тебя ждал, воспользовался твоим телефоном. Ты не против?

— Конечно, нет. Долго ждал? Надеюсь, у тебя что-то не очень срочное?

— Нет. Это всего лишь наш не состоявшийся разговор. Ты ведь помнишь: мы так и не поговорили.

— Хорошо, — собралась я с духом и села на стул, стоящий у окна. — Давай поговорим.

— Поговорить я хотел вот о чем, — он положил руки на стол, сцепив пальцы в замок. — Прежде всего, хочу извиниться за вчерашнюю грубость. Я повел себя неадекватно из-за того, что и так был взвинчен предстоящим объяснением, а тут еще... ну ладно, не будем об этом. Теперь, если ты принимаешь мои извинения, я буду говорить по существу. Марина, ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь и я чувствую, что тоже далеко не безразличен тебе. Давай забудем наше первое неудачное свидание и попробуем все сначала.

Мне показалось, что я ослышалась и потому недоверчиво смотрела на него: не может быть, чтобы он говорил о новом свидании, но потом усмехнулась про себя. Разве это новость, что заботливый муж, только что звонивший жене, тут же договаривается с любовницей о встрече. Он улыбаясь смотрел на меня, не оставляя мне никаких шансов, так неотразим был его шарм. Но... я-то уже смотрела на него по-другому, и этот другой Родион не волновал меня, как прежде. Словно убрали кривое зеркало.

— В тот вечер у тебя я понял, что поторопился, — продолжал он, не дождавшись моего ответа. — Я прав? Марина, пойми, я не хочу недомолвок между нами. Ты можешь быть со мной предельно откровенна, и полностью положиться на меня во всем, уверяю тебя. Я все пойму.

Я подняла брови. Вот как! Было ясно, что его волновало его мужское эго. Откройся я, что виноват не он, он испытает одно облегчение. Самое главное, что это с ним все в порядке. Конечно, он выслушает меня, скажет сочувственные слова, даже если не поверит моей истории. Скорей всего припишет все моей фригидности, мнительности и буйной фантазии и переадресует меня к дорогому специалисту, какому-нибудь модному медицинскому светилу.

Ах, эта волшебная сила иллюзий! В каком разнообразии и цвете предстает в ее ореоле все незначительное.

— Ну, раз между нами не будет больше недомолвок, то, как насчет того, чтобы начать с тебя, Родион?

Минуту он молча смотрел на свои сцепленные руки, потом тихо произнес:

— Если ты о моей семье, то к нам она не имеет никакого отношения.

— Твоя семья — это ты сам, и значит, она имеет отношение и ко мне.

— Да брось ты! — с досадой отмахнулся он, сверкнув золотой запонкой, вдетой в белоснежный манжет. — В тебе говорит ревность, вот и все. Видимо, ты из тех женщин, которым подавай все или ничего. Ну, зачем, скажи, нам все усложнять? Есть я, есть ты и нас тянет друг к другу. Семья в другом измерении нашей с тобой жизни и никак не касается нас с тобой, а их не касается то, что у меня есть ты. Принимай это проще. Оглянись вокруг: сплошь и рядом мужчины имеют любовницу, а женщины — любовников. И что? Это жизнь. Это нужно принять и сбросить, наконец, розовые очки. Не будь наивна! Пойми одно — ты для меня главное. Жизнь преподнесла нам с тобой подарок — мы нашли друг друга. Почему мы должны отказываться от этого? И потом, прости за откровенность, но ты уже не в том возрасте, чтобы не понимать подобных вещей. Разве твое одиночество справедливо? Что поделывать, если мужчины более менее достойные и состоявшиеся уже имеют семьи и, я уверен, смогут предложить тебе то же, что и я. Прости, но тебе уже поздно желать чего-то большего.

— Что ж, благодарю тебя за трогательную заботу обо мне, но я вынуждена отклонить твое щедрое предложение. Ты тратишь свои силы зря — похоже, я действительно не понимаю своей выгоды и осмеливаюсь желать чего-то большего, — я встала, давая понять, что наш разговор окончен.

Не шевельнувшись, Родион смерил меня взглядом с ног до головы.

— Н-да, недооценил я тебя, но, скорей всего, это ты слишком переоцениваешь себя. Посмотри — ты умна, красива, благополучна и до сих пор одна. Извини за жестокость того что я скажу, но тебе ли сейчас выбирать? Подумай о себе. Я предлагаю свою любовь, ты же киваешь на мою семью. Разве то, что они есть, меняют твои чувства ко мне? Разве наша вина, что мы слишком поздно встретились?

— Не наша, но это не дает нам права совершать ошибки. У тебя растет ребенок.

— Вот значит как? Наша любовь для тебя ошибка?

— Это сейчас тебе кажется, что можно жить двойной жизнью, и эти две жизни никак не соприкоснутся и никого не уничтожат и не сломают. Я не хочу быть твоей ошибкой.

— Это твое окончательное решение? — он выжидающе смотрел на меня, и пришлось собрать все свое самообладание, чтобы просто кивнуть. Невыносимо тяжело было отказываться от него.

— Мне жаль тебя, — вздохнул он, вставая. — Ты не умеешь смотреть на вещи реально. Признаюсь, я даже удивлен. При твоей-то деловой хватке...

Выйдя из-за стола, Родион направился к двери, но прежде чем выйти, обернулся ко мне.

— Прощай. Дай бог, чтобы я не был твоим последним шансом, а это, по-видимому так и есть. С тобой, явно, что-то не так. Ведь в том, что наше свидание сорвалось только твоя вина.

Дверь за ним захлопнулась, и я закрыла лицо руками. За эти минуты нашего разговора, Родион измучил меня. Его слова оказались жестокой истиной. Я действительно не умею

принимать жизнь такой, какая она есть. А вдруг я ошибаюсь и, действительно, нужно брать от жизни все? Но я не хотела брать на себя ответственность, разрушая чужую семью. И я не хотела довольствоваться редким скудными подачками любви. Родион был далеко мне не безразличен, и во мне шла жестокая борьба: любовь не хотела сдаваться. Чувства не желали брать мои рассуждения в расчет, подталкивая меня изведать ту сторону женского счастья, которой я была обделена. Ведь Родион все понял и конечно же согласился бы мне помочь. Быть любимой, желанной хотя бы на миг. Разве это не стоит того, чтобы расплачиваться днями, неделями ожиданий, каждый раз мучаясь вопросом: придет ли он сегодня или нет. Отказываться так невыносимо...

Не знаю, сколько времени я просидела в темном кабинете. Я схватила сумочку и выскочила из кабинета, а чтобы не поддаться искушению и не позвонить ему, намеренно оставила свой мобильный на столе. Закрыв кабинет и приемную, я, пройдя по опустевшим коридорам офиса, спустилась в тихий холл и, попрощавшись с Игорем, вышла на стоянку.

Я долго бесцельно колесила по улицам, боясь ехать домой. Там тоже, искушая меня, ждал телефон. В конце концов, я прочно встала в пробке.

Вот интересно, в разговоре с Родионом, я действительно была так принципиальна, или во мне больше говорила боязнь потерпеть очередное фиаско? Для Михаила моя проблема оказалась не по силам, и он, без всяких сцен и объяснений просто исчез из моей жизни. Гена был честнее, а вот, чтобы все же сделал Родион, откройся я ему? Может я, все — таки, к нему не справедлива? Я начала двигаться за тронувшимся автомобильным потоком. Раздумья над последствиями своих поступков, всегда тяжелее, чем само их свершение. Что сделано, то сделано. По-видимому, я уже не узнаю, как бы поступил Родион. Так и не примирившись с собой, я зарулила на стоянку, припарковалась и, выбравшись из машины, включила сигнализацию.

Я отдала деньги, внеся плату за место на стоянке на месяц вперед, дежурившему сегодня, Трофиму.

— Что-то вы сегодня, как никогда, припозднились, Марина Евгеньевна, — выписывая квитанцию, заметил он. — Работа?

— Да, Трофим, работа, — я взяла у него квитанцию и попрощалась: — Спокойной ночи.

Но бредя к дому, невольно замедлила шаг у «Короны». В магазинчик, наверное, завезли свежую выпечку. И там сегодня должна торговать Людка, которая никогда не называет меня «мадам». Подозреваю, что Сеня, заметив, как не нравится оно мне, специально досаждает, называя меня так. В освещенном, по домашнему уютном магазинчике, за прилавком сидел Сеня. Едва за мной захлопнулась дверь, он поднял глаза от книги, с готовностью человека сию же минуту приступить к своим обязанностям, но увидев меня, снова уткнулся в нее.

— Добрый вечер, — поздоровалась я. Кроме нас в магазинчике никого не было.

— Здравствуйте, — буркнул он, не прерывая своего чтения.

Ладно, мешать не будем, и постараемся определиться с выбором быстро. Я подошла к корзине со свежей сдобой, гадая, чего же мне хочется больше всего: плюшку, булочку с кунжутом или маком, завитушку с шоколадной глазурью, а может берлинское печенье? Рогалик, например, можно съесть утром с кофе, намазав его маслом. Нет, с утра лучше все же, обойтись йогуртом. Сейчас можно взять бутылочку кефира «Семь знаков», а может креветки?

— Помочь вам с выбором, мадам? — видимо Сеня потерял терпение, не дождавсь

пока я выметусь из магазинчика.

— Меня зовут Марина, — разглядывая кетчуп и думая, что спагетти тоже неплохо, но тогда придется прикупить и красного вина.

— Да я, вообще-то, в курсе, — пожал плечами Сеня.

— А почему бы здесь не сделать бар? — вдруг ни с того ни с сего, брякнула я. — Чтобы можно было заглядывать сюда поздним вечером, и сидеть до утра, никуда не торопясь. Всегда найдутся такие, кто не захотят сразу же идти домой, а предпочтут сперва, где-нибудь отсидеться, привести мысли и чувства в порядок, а потом уже идти домой и спокойно общаться с домашними, — несло меня дальше.

— Привести в порядок — это напиток, что ли? — насмешливо перебил меня Сеня.

— Хотя бы посидеть просто так, или поговорить ни о чем, чтобы стряхнуть раздражение прошедшего дня, понимаете? Дома опять придется решать проблемы, а бар это как тайм аут между работой и домом. И название у бара останется то же «Корона» или «У короны», — я потерла ладонью лоб. — Не обращайтесь на меня внимания. Хорошо?

— Идея в общем-то ничего, — Сеня задумчиво почесал бровь. — Только боюсь, бар здесь будет пустовать и попросту прогорит. Напитки, коктейли там, абсенты выйдут дорого, и молодежь будет тусоваться в другом месте, обходясь пивом. Вообще-то «Корона» для здешних бабулек и так выполняет роль бара. Есть даже завсегдатаи, которые постоянно толкуются здесь в перерывах между сериалами, обсуждая все: политику, кто чем и как лечится, да те же сериалы. Ух, я таких страстей наслушался... Вот зашли бы вы сегодня пораньше, как всегда, то застали бы тут бабушку Клару, которая призывала своих товарок сбиться в народную дружину, как во времена их героической молодости и отловить этого кровопийцу маньяка, раз полиции он не по зубам.

Я засмеялась.

— Зачем же вы обсчитываете таких славных старушек, Сеня?

— А это своеобразная плата за то, что позволяю им здесь тусоваться. Да и обсчитываю я их на сущие копейки, чтобы навык не потерять. Вас я тоже обсчитываю — с вызовом заявил он, нахально глядя на меня.

— Знаю, — отмахнулась я. — Вот со сдачей ты меня уже достал.

— Сердитесь? — довольно хмыкнул он и вдруг перешел на «ты»: — Слушай, пусть здесь не бар, а всего-навсего продуктовая лавка, но я все равно могу налить тебе коньяку... за счет заведения. Посидеть можем в подсобке. Видно же, что тебе хреново.

Я кивнула, но все же спросила:

— А покупатели?

— Я услышу, — он приподнял закрывающую вход за прилавок откидную доску, и я вошла в святая святых магазина, его подсобку.

Обшарпанное, захламленное помещение без окон, заставленное старой разномастной мебелью: продавленным креслом — «сядешь не поднимешься»; столом, застеленном вытертой до бела, но когда-то цветной, клеенкой, на котором стоял помятый электрический чайник; на полу, в углу притулился кассовый аппарат советских времен. Под потолком трещали, мигая трубки люминесцентных ламп. Я с удивлением оглядывалась. Но удивлялась не убожеству этой каморке, а своему странному ощущению. Эта подсобка казалась мне именно тем местом в котором я сейчас нуждалась, таким надежным углом, норой, убежищем и я успокоилась.

Покопавшись в шкафу с перекошенными дверцами, Сеня выудил из него стаканы. Из-за

его спины я с любопытством заглянула в шкаф. Нижние полки были забиты рулонами серой бумагой в которую раньше заворачивали колбасу и сыр. На верхних теснилась невзрачная, потемневшая посуда. Там стоял заварочный чайник с черным от заварки отверстием носика, прокопченный помятый алюминиевый ковшик, стеклянные банки с сахаром и солью, а между ними, выделялась своей элегантностью и гламурностью банка «Чибо». Откуда-то из глубин шкафа, Сеня извлек плоскую бутылку коньяка, а из дребезжащего холодильника уже порезанный на блюде лимон. Расставив все это на столе, он плеснул коньяка в стаканы, почти на доньшко и протянул один мне, когда я пыталась устроиться на краешке продавленного кресла.

— Пей — полегчает.

— Спасибо, — я взяла стакан, понюхала коньяк и залпом выпила.

— Ну, ничего себе, — фыркнул Сеня, подвигая мне лимон. — Это ж тебе не водка...

Коньяк обжег горло, и перехватило дыхание, секунду я не могла прийти в себя, но зато напряжение отпустило меня. Теперь я знала, что не испугаюсь, манящего, словно змей искуситель, поджидающего меня дома телефона.

— Помогает?

Я кивнула и, откусив лимон, спросила:

— Скажи, если это не сердечный секрет, есть у тебя неразрешимая проблема? Очень личная, такая, которая ломает тебе жизнь.

Сеня подержал во рту коньяк, подумал, проглотил его и тряхнул головой.

— Не-а, пока что меня ничего кроме учебы не напрягает. Под своей проблемой ты имеешь в виду того хмыря с которым приходила вчера?

— С чего ты взял? — фыркнула я, как можно равнодушнее.

— А какие еще у женщин могут быть неразрешимые проблемы? — он налил чуть-чуть коньяка в мой стакан. Скрытое в его голосе пренебрежение задело меня, и я промолчала.

— Брось, не переживай ты так из-за него. Сам прибежит. Я же вижу, как ты действуешь на мужиков.

Недоверчиво хмыкнув, я залпом выпила коньяк, который, кстати, оказался неплохим.

— У тебя есть девушка? Не просто подружка, а человек, с которым у тебя все серьезно?

— Допустим.

— Тогда представь, что ты хочешь ее и готов лечь с ней в постель, а она вдруг заявляет: «Извини, я тебя очень хочу, но не могу...»

— В том смысле, что у нее есть другой? — Сеня хотя и старался вникнуть в мои вопросы, но такой поворот нашей беседы явно озадачивал и сбивал его с толку.

— Как тебе объяснить? — я попробовала собрать разбредавшие мысли. — Она не может ни с кем и с тобой в том числе. Понимаешь? Она очень мучается...

— Ты что, не можешь трахнуть? — изумился Сеня, разглядывая меня, как какое-то африканское чудо вдруг появившееся в его грязной тесной подсобке.

Я кивнула.

— Ну, дела... — пробормотал он, опустив свой стакан. — И твой пижон, конечно, дал тебе от ворот поворот?

— Не... У него другое... у него семья...

— Во, парочка! — развеселился Сеня, хлопнув себя по колену. — Ты не можешь трахнуть, а у него семья... Ну и что? Для тебя это имеет какое-то значение?

— Ну... — он задумчиво посмотрел на меня и кивнув, сказал: — Наверное, имеет...

Ладно, с ним все понятно — козел, одним словом, а с тобой-то, что не так?

Я налила себе еще коньяку и, глотнув его, пожала плечами.

— Что, и не догадываешься даже? К врачам ходила? И они, конечно, ничего не сказали?

Ты только с ним не можешь или как?

Я лишь кивала или отрицательно мотала головой, отвечая на его вопросы. Сеня закурил, выпустил изо рта дым, и озадачено почесал взъерошенные волосы.

— Всякая проблема имеет свою первопричину и твоя тоже. С чего бы вдруг тебе стали отвратительны мужики? Обычно у женщин такое бывает после изнасилования. Тебя... это... никто... того?

Я отрицательно мотнула головой.

— Может ты выкинула это из головы? Перестала помнить. Такое часто бывает. Память блокирует шокирующие воспоминания, защищая нервную систему, чтобы человек мог жить спокойно, что-то в этом роде...

На задворках моего пьяно поехавшего сознания, что-то забрезжило, вызвав во мне смутное беспокойство. Я перепугалась, поняв, что совсем не готова к предстоящему открытию и ухватила за первую попавшуюся мысль, как за спасительную соломинку, не желая разбираться с тем чудовищным, что сейчас просыпалось во мне.

— Мне предлагали пройти сеанс гипноза...

— Не, ты мне обо всем с самого начала расскажи, — потребовал Сеня.

И я рассказала ему про две загубленные любви так запросто, будто рассказывала это, очень личное, не постороннему человеку, а давнему знакомому. Спасибо Сене, он никак не комментировал мои откровения, а только курил и слушал.

— Это все не про то, — затушив окурок в блюдечке с лимоном, сказал он, когда я замолчала. — То, о чем ты мне рассказала, всего лишь следствие, а не сама причина, из-за которой тебя колбасит. Давай вспоминай, что было до того, как ты поступила в институт.

— Школа, — развела я руками и потянулась к коньяку.

— Тебе уже хватит, — опередив меня, Сеня забрал бутылку. — Ты здесь всегда жила или приезжая?

— Я здесь родилась.

Сеня удивился:

— А почему я тебя раньше никогда не встречал? Я всех в этом районе знаю. Слушай, а ты школу за двором у старых бараков, помнишь?

— Еще бы! Я в нее ходила. Только те бараки давно уже снесли.

— Ну и дела! Я ведь тоже в нее ходил.

— Ты, наверное, прогуливал по страшному, потому что тебя-то я точно не видела.

— Еще как прогуливал...

— Вот... а я была примерной ученицей, — назидательно подняла я палец.

— Терпеть не мог примерных, — скривился Сеня так, будто опять сжевал лимон. — Мне в школе скучно было. Ты где жила?

— Там же где и сейчас.

Сеня запустил пальцы в свою длинную шевелюру и озадачено взлохматил ее.

— Мог я проходить мимо твоего дома, если мы с пацанами ходили не прямиком, а через дворы?

— Мог. Я в школу ходила тоже, через дворы... так было короче.

— Точно! — обрадовался Сеня. — Тогда ты должна помнить заброшенный дом в том

узеньком переулке...

— Он все так и стоит заброшенным...

— Мы там курили, и пиво пили... Давно я не был на той улочке. Ее, наверное, уже перестроили? Ты не знаешь?

— Представь себе, не перестроили. Сходи туда и сам увидишь тот заброшенный дом. Он стоит по-прежнему и тихонько разваливается. Я иногда заезжаю в этот переулочек, объезжая пробки. Кирпичи, перекрытия, все потихоньку разбирают, даже плитку у основания отдирают...

Хлопнула дверь в торговом зале — в магазинчик кто-то зашел, и Сеня ушел к прилавку, оставив открытой дверь подсобки, так что мне даже не нужно было прислушиваться, я невольно слышала все.

— Дайте красненькую «М», творог и сметану, — говорил покупатель и через какое-то время, очевидно после того, как Сеня все это ему выложил, услышала его вопрос: — Приговор?

— Сто двадцать, — поторопился объявить Сеня.

— Пока, командир, — последовало после шуршания пакета, куда укладывались покупки.

— Всего хорошего.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дверь магазинчика хлопнула, а на пороге подсобки появился Сеня. Пока происходил этот короткий диалог в торговом зале, перед моим внутренним взором встало четкое видение из моего сна: я лежу на асфальте в холодной темноте и слушаю ясно раздающиеся в ночной тишине неторопливые шаги, приближающиеся ко мне. Я знаю, что это мой убийца и что мне не спастись. Он тоже знает это, а потому не спешит. Я обреченно смотрю на угол заброшенного дома, с отвалившейся у фундамента керамической плиткой. Воспоминания нахлынули на меня, прорвав вдруг непроницаемую, прочную плотину, воздвигнутую когда-то моей памятью. Сеня, собрался было, что-то сказать, но я прервала его, быстро заговорив, следуя по лабиринту своей памяти, в темных углах которых неожиданно высветились до сей поры потаенные, неведомые мне события, так ясно, будто это произошло со мной только вчера:

— Я училась в девятом классе. В тот вечер, я возвращалась от подруги домой, с которой засиделась допоздна. Мы с ней дружили с первого класса. Хорошая девочка, жаль, что потом, она стала сторониться меня, будто была в чем-то виновата. После школе она уехала в Петербург поступать в институт. Что с ней сейчас? Странно, что до сих пор я не вспоминала о ней.

— Не отвлекайся, — напомнил мне Сеня.

— Мы тогда делали домашнее задание по химии, какой-то опыт. Конечно, больше дурачились и говорили о чем угодно, только не о химии. В конце концов, опыт был поставлен, записан в черновик, а потом переписан в чистовик. Когда я посмотрела на часы, то сразу же засобиравшись домой. Шел одиннадцатый час и я, чтобы успокоить родителей позвонила домой. Мама подруги предложила проводить меня, но я не хотела беспокоить их еще и этим, а потому отказалась, заверив, что идти мне совсем близко, да и моя мама уже вышла мне навстречу. Попрошавшись с ними, я отправилась домой, а поскольку давно уже стемнело, решила идти напрямки, через дворы, и по переулку, мимо заброшенного дома. И вот иду я и соображаю, как бы по убедительнее оправдаться перед мамой, а потому не сразу

обратила внимание, что позади меня кто-то идет. А когда заметила, то еще порадовалась, что у меня появился попутчик и что я в безлюдном узком переулке не одна. Все-таки поздним вечером там жутковато.

Сеня кивнул, подтверждая мои слова.

— Потом до меня стало доходить, что это какой-то странный попутчик, не перегоняя, он упорно держался за мной. Вот тут я, не на шутку перепугалась и ускорила шаг. Мой преследователь тоже. Тогда я побежала. Я неслась во весь дух, с нарастающей паникой слыша, что преследователь нагоняет меня. Впереди показался заброшенный дом, бывший для меня неким рубежом, потому что за ним был мой двор, мой дом, моя территория. Я обернулась на бегу, чтобы понять есть ли у меня шанс спастись и насколько мой преследователь уже нагнал меня, но увидев настигающий меня неясный бесформенный силуэт, почти сливающийся с темнотой переулка, на бегу споткнулась о неровный асфальт. Ты, наверное, помнишь, он там весь растрескался и кое-где приподнялся. Так вот, я со всего маха упала, ударившись об асфальт так, что искры посыпались из глаз. Кажется, меня оглушило настолько, что я отключилась, потому что когда очнулась, то не сразу сообразила, где я и что со мной. И вот лежу я на мокром асфальте, там, где постоянно натекало от колонки и смотрю на угол заброшенного дома с обвалившейся облицовочной плиткой у основания и на разросшиеся лопухи, лежу и слышу неторопливо приближающиеся ко мне шаги. Вижу чьи-то ботинки остановившиеся у моего лица, и кто-то хриплым, свистящим шепотом зло произносит: «Убежать от меня вздумала, сука», а я цепенею от ужаса и обреченности. Такого страха я никогда не испытывала и, наверное, не испытаю никогда. Надо мной склонились, схватили за шиворот курточки и потащили к заброшенному дому. Больше повинаясь инстинкту, чем придавленному страхом разуму, я начала слабо сопротивляться, извиваться, вырываться из вцепившейся в меня руки. Я не хотела туда, куда меня волокли. Не хотела... Я дергалась в его руке, пока он не ударил меня головой о стену дома.

Я замолчала, переводя дыхание. Молчал и Сеня, потом спросил:

— Курить хочешь?

Я отрицательно покачала головой, пытаюсь унять дрожь в руках, и посмотрев на бутылку, спросила:

— Можно мне еще коньяку?

— Нельзя, — отрезал Сеня. — Понимаю, что тебе сейчас погано, но ты сильная, так что сможешь пройти все до конца, иначе никакого толка не будет, если начнешь заливать глаза. Что было потом?

— Потом? — припоминая, я терла лоб. — Мама. Она все время плакала. Отец, на котором лица не было. Больница.

— Врачи что говорили?

Я честно силилась вспомнить хоть что-то.

— Не знаю. Врачи говорили с родителями, а после того, как я выписалась, в нашей семье на эту тему вообще не разговаривали, будто ничего и не было.

— Видимо, тебе все же от него досталось, только ты этого не хочешь вспомнить, — размышлял Сеня, пожевывая сигарету. — Вот твое тело помнит. Черт, я не очень силен в этом. Короче, твое подсознание знает то, что сделал с тобой этот урод. Поэтому ты до сих пор шарахаешься от мужиков.

— Но врачи сказали, что меня не насильовали.

— Это ничего не значит. Они могли сказать это только твоим родителям, а те решили ничего тебе не говорить.

— Зря я отказалась от гипноза, — вздохнула я, решив, что в ближайшие дни подамся к гипнотизеру.

— Не торопись. Подумай сначала. Может тебе будет лучше так, как сейчас? Вдруг ты не справишься с тем, что тебе предстоит вспомнить?

— Не думаю, что будет хуже, чем сейчас. Я хочу знать, что со мной произошло и почему это так влияет на мою жизнь, — со всем убеждением, на которое была сейчас способна, проговорила я. Но убеждала я больше себя, чем собеседника.

— Дело твое, — примерившись, Сеня закинул в мусорную корзину изжеванную сигарету. — Вот возненавидишь после этого всех мужиков чохом и начнешь мстить. Мало нам тут одного маньяка, так еще и маньячка появится.

В магазинчике хлопнула дверь — вошел поздний покупатель.

— За себя можешь быть спокоен. Тебя я, точно, пощажу, — шатаюсь, я поднялась, опираясь о стол и чувствуя, что ноги не слушаются меня. — Пойду я пожалуй... Поздно уже.

— Подожди, — вскочил Сеня. — Без меня никуда не уходи. Я сейчас освобожусь и провожу тебя. Ладно?

— А магазин? Разве тебе можно оставлять его?

— Закрою на технический перерыв.

Я кивнула и, успокоенный Сеня, ушел обслуживать покупателя.

Неисповедимы пути Господни. Только вместо убыточного ателье появился магазинчик со странным названием «У короны», меня словно магнитом тянуло сюда. А что в нем было такого особенного? Ассортимент тот же, что и везде. Ну, уютный. Ну, продавцы, хорошие знакомые. Нет, тут дело было в другом. По-видимому, в моей судьбе магазинчик имел свое особое предназначение. Ведь не в кабинете психолога-специалиста, я вспомнила события десятилетней давности, а в подсобке «Короны», в компании незнакомого мне парня, распивая с ним коньяк. Разве не слушал бы меня с таким же вниманием психиатр, не произнес бы мне те же самые слова, что и Сеня: «подумай хорошенько, надо ли тебе знать то, что от тебя так долго прятала твоя память. А если решила посмотреть своему страху в лицо, то иди до конца». Я так и сделаю. Я посмотрю своему страху в его мерзкое лицо. У меня хватит на это мужества, я знаю.

Я вышла из подсобки через служебный вход, через железную дверь в конце маленького коридорчика, и направилась в сторону проулка. Я шла к заброшенному дому, и стук моих шпилек оглашал ночные притихшие улицы. Свернув во дворы я подумала, что ни прежде, ни сейчас у меня не возникало никакого желания пройтись по ним просто так, а ведь такое желание, хоть раз, да должно было появиться у того, кто вырос здесь.

В этих дворах я росла и играла со своими сверстниками. А на этой скамейке, сколько себя помню, сидела баба Нюра. Грузная, с седыми кудряшками, она знала все про всех в этом и соседних дворах. Как ей это удавалось, не сходя со своей скамейки? Сегодняшнюю потребность в сериалах, заменяли тогда сплетни и сладострастное копание в чужой жизни, чтобы только отвлечься от своей, может быть не такой бурной и интересной, а может быть более спокойной и сложившейся. Мне казалось, что она никогда не покидает своего места у подъезда. Кода бы я ни вышла во двор, в школу или возвращалась вечером из кино, а потом из института, баба Нюра обязательно сидела на своей скамейке: летом в цветастом халате и домашних тапочках. Зимой темно-зеленом пальто с черным вытертым воротником из

искусственного меха и в сапогах, что застегивались на молнии спереди. Голову ее покрывал неизменный серый оренбургский платок.

Мы носились по дворам, играя в войнушку, «казаки-разбойники» и прятки. Иногда начинали враждовать против соседнего двора, и тогда никто из нас не смел заходить на чужую территорию. В разросшихся кустах акации, срочно создавался «штаб», где мы шепотом обсуждали пути, которыми проникнем на «вражескую территорию», чтобы найти «ихний штаб». За игрой, как правило, забывалась причина нашей ссоры.

Из дворов я вышла в переулочек. Впереди показался знакомый мне по снам заброшенный дом и между лопаток пробежал холодок страха. За все эти годы дом нисколько не изменился. Странно, что его до сих пор, так и не снесли. Все так же зияли мрачным оскалом проемы его окон и дверей, а пустырь заброшенного двора, так же буйно порос крапивой и лопухами. Сейчас кажется странным, что мы, дети, ничего таком о нем не зная, от чего-то считали этот дом страшным и жутким, обходя его стороной. Ни у кого из нас не возникало желания играть там, а ведь мы, порой, выбирали более чем странные места для игр. Иногда слышали, что старшие ребята под вечер собирались там компаниями, но это случалось не часто, и всегда считалось событием.

Замедлив шаги, я с тяжелым чувством смотрела на его стены с остатками штукатурки. Передернув плечами, то ли от той жути, которую он на меня нягонял, то ли от холода, я подумала, что пожалуй уже и не хочу знать, что произошло со мной здесь десять лет назад. Вдруг мое сердце подскочило к горлу и стало трудно дышать. Как-то вдруг ослабли ноги, и я не могла ступить и шагу, слыша позади, нагоняющие меня шаги. Все во мне противилось происходящему, вставало на дыбы, разум отказывался верить в то, что сейчас, здесь все повторится опять. Дом хищно смотрел на меня мертвыми глазницами окон.

Хмель мгновенно выветрился из головы. Я посмотрела в сторону двухэтажек, выстроенных в пятидесятых годах, заставив себя сделать шаг в их сторону. Свернуть к ним с глухого проулка, грозящего захлестнуть меня страшной петлей прошлого, было моим спасением. Там сейчас, наверняка, кто-нибудь да выгуливает свою собаку. От меня двухэтажки закрывали старые тополя, стражами, стоявшие между светящимися жизнью и спокойствием окон и темным, безлюдным домом, чей двор-пустырь давно превратился в прибежище для бродячих собак. Я уже переходила дорогу, когда меня окликнули:

— Марина...

Сеня? Я тут же остановилась, резко повернувшись к нему навстречу, при этом неловко зацепилась каблуком за корень старого тополя, торчащего из земли, и потеряв равновесие, упала. Я скорее удивилась, чем обрадовалась ему. Что было удивительного в том, что он быстро сообразил, куда я пойду, после того, как я исповедовалась ему. Сеня не спеша подошел ко мне, но помочь мне подняться от чего-то не торопился. Я приподнялась, силясь разглядеть его в темноте переулочка, где не горел ни один фонарь, их вообще здесь никогда не было, и протянула ему руку. Но вместо того, чтобы поддержать и помочь мне, он, неожиданно, вцепился мне в волосы и с силой ударил головой о землю...

Лист четвертый

И опять я во сне видела кирпичную кладку с потрескавшимися кирпичами, темными от сырости. Я даже отчетливо чувствовала резкий запах сырой земли. Приподняв голову, попробовала повернуться, пытаюсь принять удобное положение, и окончательно пришла в себя, сообразив, что все это реальность, а не сон. По тому, каким могильным, промозглым, пробирающим до костей, был здесь холод, а воздух затхлым, кажется, я находилась под землей. А когда шевельнула руками, вдруг обнаружила, что их, что-то сковало так, что я не могла ими двинуть, как ни старалась. Ноги, почему-то оказавшимися босыми, совсем заледенели на бетонном полу. Первой мыслью было, что меня погребли заживо! Но почему тогда, я вижу кирпичную стену перед собой? И откуда этот слабо сочившийся свет? Очень хотелось сдуть с лица упавшую прядь волос, но рот, как и щеки были чем-то стянуты. В конце концов, когда сознание полностью прояснилось и я, как могла огляделась, то поняла, что нахожусь в подвале. Мои руки были подняты вверх и шнур, которым стянули мои запястья, надет на вбитый в стену крюк. Рот залепила широкая полоска скотча.

И тут я вспомнила, как Сеня нагнал меня в темном переулке у заброшенного дома, напал на меня и ударил головой о землю. Теперь меня затрясло не от холода, а от ужаса. Ну почему дожив до тридцати, я осталась полной кретинкой! Разоткровенничаться с совершенно незнакомым человеком, рассказать ему самое интимное, болезненное... Дура!

И почему, мне в голову совсем не приходила мысль о маньяке? Ведь, кажется, уже пуганная... Может потому, что была пьяна, а может потому, что я даже не подумала, что это как-то может коснуться меня. События, связанные с ним проходили стороной, где-то там и не могли случиться в моей жизни. Но вот же, я попала прямо к нему в силлок, как глупая, безмозглая дичь, которую приманили не хитрой приманкой.

А ведь стоило мне быть настороже, и хотя бы элементарно подумать, и не упускать из поля своего внимания маньяка, охотящегося на женщин, то расспросы Сени разу же насторожили меня. То как ловко он выпытал где я живу и то, что ему не стоило труда подпоить бабу, каждый божий день таскающейся в его магазинчик и о которой он узнал все «да я, вообще-то, в курсе».

Надо отдать ему должное, он действовал умно. Кто заподозрит в продавце магазинчика, которого видишь почти каждый день, и запросто общаешься, кто заподозрит в нем жестокого, скрывающегося словно зверь в ночи, караулящего свои жертвы, маньяка. Сене даже не надо было караулить и выслеживать их, они сами шли к нему, доверчиво открытые. Он знал о них все, наблюдая, приручая, не вызывая ни у кого подозрения и в первую очередь у них самих.

И все же, как-то не очень вязалась с маньяком Сенина натура. Если бы я не говорила с ним сегодня вечером, то полностью приняла то, что Сеня — маньяк. Даже то, что меня окликнули по имени, не заставило меня, поверить в это. Во мне что-то сопротивлялось подобной уверенности, хотя все говорило в пользу этого. Ну не мог он совершать подобные зверства.

— Очнулась? Это хорошо, — из дальнего, слабо освещенного угла подвала, ко мне кто-то приближался.

Голос был мне знаком и это был не голос Сени, что меня вдруг порадовало, если конечно можно было испытать что-то подобное в такой ситуации в какой оказалась сейчас

я. Прищурившись, я пристально, до рези в глазах, вглядывалась в подходившего, пытаюсь узнать его.

— Ну здравствуй, Марина.

И когда этот человек подошел ко мне близко, я, наконец, узнала его.

— Вот ведь какие дела, — усмехнулся Трофим, охранник с парковки.

В отличие от ребят работавших там, я плохо знала его. Трофим устроился туда не так давно, и производил впечатление тихого, незаметного и покладистого мужчины, на которого не всегда обратишь внимания. Мы перебрасывались с ним парой ничего незначащих слов, а редкие разговоры сводились больше к погоде. Что я ему сделала, что он так поступает со мной? Но разве можно понять больную психику этого ублюдка, извращенные причины его жуткого поведения.

— Ты так и не узнала меня, — укоризненно сказал он, кашлянув. — Да, я и не обижаюсь вовсе. Твоей вины тут нет. Еще тогда, на суде, мой адвокат проговорился о том, что твои любящие папочка с мамочкой позаботились о том, чтобы ты забыла обо мне. Тебя и на суд не привели из-за того, что ты ничего не могла вспомнить. Но я тебе вот что скажу: в тюрьме я помнил за нас обоих. Я помнил о тебе потому, что ты единственная, кто сумел избежать уготованной мной участи. Я считаю, что для нас это знак свыше. Да. Я долго об этом раздумывал... о том, что ты предназначена мне... и все такое. Знаешь, это сразу чувствуется. Да. Но тебя у меня забрали, и это мучило меня. Каждую ночь, лежа на нарах, я представлял, как освобожусь, отмотав свой срок, и разыщу тебя, где бы ты ни находилась.

Я был готов к тому, что ты вышла замуж, сменила фамилию, уехала в другой город, может даже за границу, но для тебя и меня это ничего не изменило бы. Понимаешь? Рано или поздно, я бы все равно нашел тебя. Высшие силы не оставили бы меня в моих трудах, они бы привели меня к тебе. Представь, что я почувствовал, когда оказалось, что ты даже адреса не сменила. Я о тебе все знаю. Знаю, что ты живешь в квартире одна, что твои родители перебрались в загородный дом, и ты по выходным мотаешься к ним, и замуж ты так и не вышла.

Разве это не указывает на то, что мы предназначены друг другу. Тебе нужен я, вот ты и дождалась меня. Пусть ты меня не узнала, зато я мог видеть тебя каждый день. Ты стала такой красавицей. И знаешь, именно ты виновата в смерти всех этих женщин. Если бы я не видел тебя, не думал о тебе... Ты заводила и по всякому подталкивала меня к этому... Я следил за тобой, каждый день шел по пятам... Да. Скажи, ты и теперь ничего не помнишь? Не помнишь того, что произошло тогда, пятнадцать лет назад? Конечно, это плохо, но поправимо, я считаю. Времени у нас предостаточно и я напомню тебе все до мелочей...

Я замотала головой, умоляюще глядя на него.

— Нам будет хорошо, как никогда, — просипел он, погладив меня по щеке.

Вздвогнув от прикосновения его шершавой жесткой ладони, я отвернулась, закрыв глаза.

— Ну, ну потерпи... немного осталось... совсем немного... — протянул он мечтательно и отошел вглубь подвала к столу, где при слабом свете настольной лампы, под ее жестяным колпаком, принялся, перебирать и перекладывать что-то металлически позвякивавшее. От ужаса меня затошнило, лоб покрыла холодная липкая испарина, и я лихорадочно принялась дергать шнур, которым были связаны мои руки.

— Бейся, бейся, второго раза для тебя не будет. Никто тебя не поможет. Есть, есть в мире справедливость и сейчас она свершится, — буднично говорил он, занятый своим

делом. Один раз в его руках, при свете лампы, сверкнуло лезвие ножа. — Ты получила от жизни все, пока я маялся за решеткой. Теперь, — он улыбнулся гнилой улыбкой, — пора платить по счету, который выставила тебе на этот раз судьба.

Я отчаянно замотала головой, не желая верить в реальность происходящего. Это не правда! Это всего лишь продолжение моего кошмара и все в нем происходит не со мной, а с кем-то другим. Все это: подвал, Трофим, его бред — не правда. Я забилась, отчаянно крича. Почему я должна умирать? За что? Я не хочу! Но сквозь скотч, залепившего мой рот, пробивалось лишь глухое мычание. Трофим улыбался, жадно глядя в мое мокрое от слез лицо. И тут моя память снова вытолкнула из своих глубин воспоминание, словно выстрелив в меня им.

Передо мной встал Трофим лет на десять моложе. Он был худ, имел густые волосы, но улыбка была такой же скользкой, дрожащей и гнилой, когда ножом кромсал на мне курточку и юбку. Заведя руки над моей головой, прижав запястья к земле, он не спеша методично работал ножом, смотря мне в лицо, горящими глазами, нисколько не заботясь о том, что его нож задевал мою кожу, раня ее. Я дрожала и плакала, вызывая этим его восторг. Тогда я лежала на сырой земле, среди остатков своей порезанной одежды, тряслась от ужаса и холода, вздрагивая от прикосновения его шарящих по моему телу липких ладоней. Потом стоя передо мной на коленях он стал раздеваться. Я зажмурила глаза. Нет! Не хочу, не хочу вспоминать!

— Все вспомнила, лапушка, — прошептал он, подходя ко мне так близко, что я ощутила резкий запах его немытого тела. — Теперь понимаешь, что не могу я, так как все мужики, проделывать это с бабами. Один разочек у меня с тобой тогда получилось, а вот с другими, как ни стараюсь, не выходит. Давно уже не выходит... А ведь доктора сказали, что со мной все в порядке, и ты сама видела, что я могу быть мужиком? Ведь видела?! — заорал он, брызгая слюной.

Я поспешно закивала. Конечно, он был больным, как психически, так и по мужской части, и то, что он сделал десять лет назад, стоя передо мной на коленях, оказалось просто случайностью. Было слишком очевидно, что в своем бессилии Трофим винил свои жертвы, наказывая их с нечеловеческой жестокостью.

Подойдя ко мне, трясущейся от ужаса, он провел лезвием ножа по моему бедру, нажав на него, рассек ткань юбки, а заодно и кожу. Я забилась от боли, издав мучительный стон.

— Ах-а, — сладострастно застонал за мной Трофим, не сводя с меня горящих восторгом глаз, получая чувственное удовольствие от моего страха и растерзанного вида.

Какому нормальному человеку может нравиться опухшее от слез лицо, подтеки туши под глазами тоскливыми от страха, перепутанные волосы и весь облик, который выражал безвольную обреченность жертвы. Нормальный человек сторонится всего этого потому что испытывает сильный душевный дискомфорт от человеческого горя, он теряется и переживает, не сочувствовать он не может. Трофим был разрушитель и начал с того, что разрушил самого себя, а потом все то, что окружало его, но своим извращенным измышлением считал, что виноваты все вокруг, а не он. Для него красота, гармония чувств, душевное благополучие и умиротворенность являлись вызовом, были враждебны, оскорбляли его и, не принимая их, он их уничтожал. Детонатором всех его преступления, что жестоко рвали чужие жизни на части, была его неполноценность, которую он взрастил питал, и укреплял своей волей, и которая, в конце концов, страшной миной, подорвет само его существование.

Мне не повезло встретиться с ним. Наши с ним судьбы коснулись друг друга в одной единственной встрече, хватило и этого, чтобы она отравила всю мою жизнь, разойдясь в ней как капля яда в чистой воде. Он посеял во мне отвращение к прекрасным, сокровенным человеческим отношениям, полностью обезобразив их.

Трофим начал раздеваться, а я знала, что не переживу того, что сейчас повториться, того, что увидела десять лет назад. Единственное, что было мне под силам, это крепко — крепко зажмуриться. Тогда он ударил меня хлесткой пощечиной:

— Не смей опускать глаза, сука! Вздумаешь поломать мне кайф, я вырву тебе глаз. Будешь смотреть на меня одним, — прошипел Трофим, цепко ухватив мой подбородок. — Все поняла?

Я закивала, чувствуя, как из носа потекла кровь. Не сводя с меня настороженного взгляда, Трофим принялся расстегивать рубаху. Борясь с тошнотой, я смотрела на него исподлобья. Чтобы не видеть, как он ласкает, лелеет передо мной свою животную страсть, заставляя ее набираться силы, чтобы у меня на глазах достигнуть апогея сладострастия, я устояла неподвижным взглядом на слабое пятно света, отбрасываемое лампой, и получила удар под подбородок, от которого чуть не прикусила язык.

— Смотри на меня! — заорал он.

Ему просто необходимо было подпитывать свое возбуждение моим страхом, слабостью и беспомощностью.

В другое время, в другом месте и в другой ситуации, это было бы просто смешно — у этой сволочи явная склонность к демонстрации себя. Он начал раздражаться и скрипеть зубами, движения стали поспешными, он дергался, и у него ничего не получалось. Все это было не просто отвратительно, это было невыносимо. Прекрасно понимая, что меня ждет, я закрыла глаза, ожидая жестокого удара. Боль была лучше, чем видеть судорожное похотливое копошение этого животного. Но удара так и не последовало, может быть потому, что он был слишком занят собой, ежеминутно и жадно облизывая губы в нетерпеливом ожидании разрядки, он не заметил, что я больше не смотрю, что вышла из его повиновения.

Наверху что-то стукнуло. Я тотчас открыла глаза. Трофим, отвлекшись от своего постыдного занятия, вскинул голову, настороженно прислушиваясь. Но глубокую, гулкую тишину подвала не нарушало больше ни звука. И чем дольше, с отчаянием и вспыхнувшей безумной надеждой я ждала, тем тяжелее становилось мое разочарование. Наверху никого не было. Быть может, гуляющий в полуразвалившихся стенах заброшенного дома, ветер, свалил какую-нибудь сгнившую доску. Однако поведение самого Трофима не дало моей надежде угаснуть.

Подняв голову, он пристально вглядывался в потолок, напряженно прислушиваясь. И в то время, когда моя надежда сменилась было отчаянием, он вдруг быстро натянул брюки и, путаясь в рукавах, накиннул рубаху. Прихватив с собой нож, который положил на пол возле себя, держа его в руке, он на ходу неловко застегивал брюки.

Когда он ушел, я испытала ни с чем несравнимое облегчение, понимая, что моя судьба не надолго отсрочена. Но мне была дарована, хоть слабая, пусть призрачная, но надежда, что он сюда не вернется. Я прислушивалась в страшном напряжении, пытаясь уловить хоть какие-то звуки движения наверху, шорохи и по ним догадаться, что там происходит.

Пытаясь умерить растущую надежду на спасение, я говорила себе, что особо рассчитывать не на что. Кому понадобится в поздний час лезть в заброшенный дом с дурной аурой. Скорей всего, какой-нибудь бомж забрался сюда, чтобы провести здесь ночь и она же,

эта ночь станет для бедолаги последней. Так же как и для меня. Трофим мог проявить изобретательность, оглушив бомжа и подбросить ему свой нож, с которым утром беднягу бы и нашли — с ножом и с тем, что от меня останется. Для полиции это окажется сущим подарком.

Еще бы им не заглотнуть такую наживку. Ведь это означало, что больше не надо напрягаться, чтобы успокоить общественность. Вот он, убийца! Всем известно, что по делу Чикатило они умудрились расстрелять невинного. Господи, сделай так, чтобы бомж или кто бы там ни был, оказался не робкого десятка и сумел бы не столько дать Трофиму отпор, а хотя бы сбежать от него.

Мысль о том, что возмездие не настигнет Трофима, что правосудие над ним так и не свершится, тяготила меня все больше. Невозможно даже думать, что он по-прежнему будет продолжать охотиться, и убивать. Как бы ни сложилось, Боже, если ты есть, сделай так, чтобы после моей гибели, я являлась Трофиму в самых страшных кошмарах, чтобы они преследовали его до самого его поганого конца. Я страстно желала, чтобы этот живодер не знал больше душевного покоя, чтобы не смог получать удовольствия от своих зверских занятий и для этого я решила проклясть его, потому что нет ничего сильнее предсмертного проклятия. Я прокляну его за всех кого он убил. Прокляну, молча со всей силой и страстью, вложив в проклятие все муки, которые мне придется испытать, и я успокоилась. Теперь моя гибель обретала смысл. Не в силах ничего поделать в этой ситуации, я все же не смирилась с ней.

Скрипнули под чьими-то шагами ступеньки, ведущие в подвал. Трофим! Показавшаяся темная фигура быстро направилась ко мне, и когда скудный свет лампы осветил ее, я заплакала, давась слезами, не веря самой себе.

— Убил бы! — сквозь зубы процедил Сеня, стараясь снять шнур с крюка, которым были скручены мои руки. — Жаль, что я не твой муж, а то отметелил бы как следует дуру!

Его правый глаз набух лиловым сочным синячищем, вдоль щеки багровела вспухшая царапина.

— До чего трудно мужикам с такими самостоятельными бабами, как ты. Я тебе, что говорил? «Жди — провожу», а ты что? — ругаясь он, одним махом отодрал с моих губ, кажется уже приросшую к ним, широкую полоску скотча. — Хорошо бы вновь возродить символ домостроя — плетку треххвостку, а то совсем распустился прекрасный пол.

А я рыдала, но не от боли которую он мне причинил, отодрав скотч с моих губ, а от того, что все таки спасена, что мои руки свободны, и что не одна в этом жутком подвале, и что Сеня ругает меня. Я готова была соглашаться со всем, что он сгоряча наговорил и даже с плеткой треххвосткой. Поддерживаемая Сеней, я выбралась из подвала

Наверху, в изгаженных развалинах дома, было намного светлее и отвратительнее. Через дыры окон виднелось мутное беззвездное ночное небо. Дверные проемы зияли хищной тьмой. Ободранные стены, потемневшие от сырости, покрывали пятна плесени и прогнивший пол, прогибаясь досками под ногами, опасно скрипел. Из щелей несло гнилью. Темные углы холодных комнат использовались как отхожие места, и даже гуляющие здесь сквозняки не могли выдуть стойкого зловония и затхлости, давно умершего дома. Возле костровища, устроенного из уцелевших кирпичей и прогнивших балок, рядом, с бог знает как очутившейся здесь шпалой, лежал Трофим.

— Ты убил его? — испугалась я того, что теперь не оберешься хлопот из-за этой мрази.

— Нет, не убил, только оглушил.

— Как ты меня нашел? — спросила я, вступив во что-то скользкое босой ногой, и так израненной о кирпичную крошку и битое стекло разбросанное повсюду.

Сеня не ответил. Достав из кармана джинсов сотовый, он вызывал полицию. Я опустилась на доску, положенную на кирпичи и попыталась оттереть ногу какой-то деревяшкой, прислушиваясь к его разговору.

— Ну да, я и говорю «заброшенный дом», — пытался объяснить он свое местонахождение. — Какой, какой... откуда я знаю какой... — он помолчал и пожал плечами. — Может и был какой-то... Марин, ты не знаешь, есть у этих графских развалин адрес?

Я этого не знала. Сколько себя помнила, для всех это был просто заброшенный дом в забытом богом и людьми, переулочке. Объяснив где вовремя свернуть, Сеня отключив мобильный и спрятав его обратно в карман, посмотрел на неподвижного Трофима, после перевел сердитый взгляд на меня, осторожно трогая синяк у себя под глазом. Какое-то время, он, видимо боролся с желанием опять напустить на меня с руганью, но ограничившись коротким: «убил бы» — выдохнул и с сарказмом сказал:

— Как нашел? Ну, если следовать логике нашего разговора, то найти тебя было не так уж и трудно. Понятно, что ты сбежала от меня, чтобы «взглянуть судьбе в глаза». Понятно, что это дело интимное и третий тут лишний, но можно было и до утра подождать, чтобы хоть немного протрезветь. Знаешь, у меня есть сильное подозрение, что ты потому и торопилась, чтобы пьяный кураж в тебе не пропал. А я тоже, идиот, дал маху. Мне надо было сразу же бежать в эти развалины, как и хотел сначала, но все же понадеялся на твое благоразумие и, все-таки, сперва сгонял к тебе домой.

— Откуда ты знаешь, где я живу? — удивилась я, подозрительно глядя на него. Может я и сильно выпила, но отлично помнила, что адреса Сене не давала.

Не в моих правилах было раздавать его малознакомым людям.

— Ты оставила свою сумочку на столе. Уж прости, пришлось заглянуть туда.

Послышался далекий, быстро приближающийся, вой сирены.

— Быстро они... — обернулся на ее звук, Сеня. Через минуту, выпотрошенное заброшенное помещение, бывшее когда-то гостиной, залил меняющийся свет мигалки. Истеричный вой оборвался на высокой ноте.

Мы с Сеней, сидя рядышком, как два притихших подростка, застигнутые врасплох, слушая, как под чьими-то шагами жалобно ныли, поскрипывая, половицы. Эта тяжелая поступь, была неумолима, как шаги каменного командора, как наступающий рок и мы, в каком-то благоговейном страхе ждали появления рока, который решит нашу судьбу. Рок явился нам в лице невысокого плотного милиционера.

— Сержант Кубышкин, — представился он.

Сеня тихонько заурчал, от сдерживаемого смеха, уж больно внешний вид милиционера соответствовал его фамилии. К несчастью, как все закомплексованные люди, он с чуткой подозрительностью угадал наше первое впечатление о нем. Я всегда отличалась сдержанностью и умением держать эмоции в узде, и на этот раз мне удалось, в отличие от Сени, скрыть их. Но развитая болезненным самолюбием мнительность сержанта Кубышкина была такова, что он все равно приписал бы насмешки на свой счет там, где их не было в помине.

— Кто вызывал полицию? Что здесь произошло? — неприязненно глядя на нас, строго спросил он.

— Ну, я, — с подчеркнутой, почти развязной подростковой независимостью, отозвался Сеня. — Здесь произошло нападение на женщину и удержание ее в подвале этого дома с целью насилия.

— Ух ты! — с наигранным восторгом, округлил глаза Кубышкин, иронично глядя на него.

Я физически ощущала их растущую неприязнь друг к другу и поспешила вмешаться.

— Сержант, это именно тот маньяк, который терроризирует всю округу. Я должна была стать его следующей жертвой, — и я показала на валявшегося на полу Трофима.

— Старший сержант, — невозмутимо поправил меня Кубышкин. Похоже, он попросту не обратил внимания на мои слова, казалось они его просто не впечатлили, потому что тут же потребовал: — Расскажите все, что здесь произошло.

Светя себе под ноги мощными фонарями, к нам подошли еще двое полицейских, прибывших со старшим сержантом Кубышкиным и, пока мы с Сеней рассказывали все, что с нами здесь случилось, они обходили помещения дома, обшаривая его углы светом своих фонарей. Когда наш рассказ несколько сумбурный от того, что мы сперва говорили вместе, перебивая друг друга, а потом уже по очереди, был закончен, последовал равнодушный и насмешливый вердикт:

— И вы хотите, чтобы я вам поверил? — Кубышкин не сводил с нас недоверчивого цепкого взгляда, маленьких глаз.

— Мы рассказали все, как есть, — огрызнулся Сеня, заводясь. — Ваша обязанность разобраться во всем дальше.

— Моя обязанность забрать вас в участок и держать там до полного выяснения дела, — отрезал Кубышкин. — Ты, я вижу, умник, и лучше знаешь, что нам делать?

Я легонько толкнула в бок Сеню, открывшего было рот, чтобы ответить. Понятно, что парень устал, ему досталось от Трофима, которого он сумел, как-то оглушить, вот уж чего не ожидала от него — Сеня не выглядел здоровяком с накаченными мышцами, но сейчас было не время для пререканий с полицией.

— Товарищ старший сержант, — набравшись терпения и пустив в ход всю свою дипломатию, проговорила я. — Я могу показать порез, который он, — я кивнула на Трофима, — сделал на моем бедре своим ножом. Вот посмотрите, юбка в крови, и вот тоже... на запястьях следы от веревок, а в подвале остались мои туфли. Если вы спуститесь туда, то увидите на столе разложенные инструменты, которыми он истязал женщин...

Пока я говорила, Кубышкин сделал знак одному из полицейских посветить на меня фонарем и когда мне в лицо, ослепив, ударил мощный луч света, я невольно смолкла.

— А как насчет протокола? — тут же выступил Сеня. — Разве вы не обязаны вести его на месте преступления, записывая показания пострадавших?

— Мы всего лишь патрульная служба, умник. Протоколы будем вести в участке, — с презрением профессионала, бросил ему Кубышкин и повернулся ко мне. — Значит так, гражданка: если вам нанесена рана, значит должно быть орудие, которым оно, собственно, и было нанесено.

— У него был нож! — разом сказали мы с Сеней.

— Тут нет следов крови, — подошел к нам один из полицейских.

— Внизу есть подвал. Посмотрите там, — сказала я.

— Посмотри, — велел ему Кубышкин.

Тот подошел к откинутой крышке погреба, посветил вниз и осторожно спустился в него,

светя себе фонариком. Кубышкин молчал, не обращая на нас внимания до тех пор, пока полицейский не выбрался из подвала наверх.

— Ничего особенного, — пожал он плечами на наш невысказанный вопрос, отряхивая штаны. — Крови не видно. Там недавно все вымыли...

— А стол? — спросила я, холодея от дурного предчувствия.

— Конечно, я заглянул туда, — раздраженно ответил полицейский. — Там всякие слесарные инструменты, а окровавленного ножа нет.

— Разумеется, его там нет. Он же с ним сюда поднялся. Сеня? — повернулась я к нему — он-то должен был его увидеть.

— Так темно было, — буркнул Сеня. — Думаю, когда я кинулся на него, он его выронил, а вот куда, я не видел. Но нож точно был.

— Так же, как ты не заметил того, что мы все здесь обыскали, умник? — язвительно напомнил ему Кубышкин.

Он прошелся, вперевалку перешагивая через кирпичи и доски, рассматривая пол.

— Знаешь что, по-моему, здесь произошло, — произнес он, словно размышляя сам с собой. — Ты здесь тайно встречался с этой вот дамочкой, а он, — Кубышкин кивнул в сторону Трофима, — вас застукал и узнал. И ты, чтобы ваше инкогнито не было раскрыто, так шарахнул его по голове, что мужик до сих пор оклематься не может.

— Ну, ты даешь, шеф! — захохотал Сеня. — Свидание в этой засраной дыре?! Думаешь, мне не по средствам снять приличный номер в гостинице?

— Я не замужем, — коротко вставила я, своей репликой поддерживая Сеню.

Ведь тогда, это объясняло, что инкогнито нам с Сеней соблюдать было ни к чему, если бы мы, на самом деле оказались любовниками, как расписал здесь Кубышкин. Сняв фуражку, он почесал затылок и опять надел ее.

— Витек, осмотри здесь все, — неохотно велел старший сержант тому, кто только что осматривал подвал.

— Так мы же здесь все посмотрели, — заворчал Витек, увалень в милицейской форме.

— Тогда осмотри вокруг дома. Понял? — раздраженно велел Кубышкин.

— Да ладно, — отмахнулся Витек, и не спеша, все же отправился выполнять приказ.

— А ты, глянь, кто там валяется.

Договязый, нескладный полицейский, полная противоположность маленькому, круглому Кубышкину, подошел к, так и не очнувшемуся, Трофиму.

— Кажись жив, — констатировал он, приложив пальцы к его шее, а когда перевернул его на спину, удивленно воскликнул: — Так это ж Трофим!

— Какой Трофим? С парковки что ли? — оживился Кубышкин.

— Он самый...

— Ну вот что, умник, — решительно повернулся к Сене Кубышкин. — Попал ты со своими сказками, по самое не могу. Трофим — маньяк! Это даже не смешно. Мы этого мужика давно знаем.

— И вы, конечно, знаете, что он сидел в тюрьме? — едва сдерживаясь, чтобы не назаорать, шагнула я к нему.

— Мы в курсе этого, дамочка, — отмахнулся он от меня. — Трофим, как никак, состоит у нас на учете и регулярно отмечается, знаете ли. В курсе мы и того, за что он был осужден.

— За что? — резко спросила я. — За изнасилование?

— Да не было там никакого изнасилования, — усмехнулся Кубышкин, снова сняв

фуражку. Подумал и надел ее опять. — Онанист он, понятно. Больной. Осужден за то, что развращал какую-то малолетку, напугав ее до потери сознания. Пойман на месте преступления, так сказать. Голый сидел на раздетой девчонке и дробил...

— Замолчите... — зло процедил Сеня, с издевкой добавив: — Старший сержант...

А меня уже трясло мелкой дрожью подступающей истерики. Сеня взял меня за руку, стиснув ее, от чего я немного пришла в себя.

— Отвезите нас в участок. Там и допрашивайте и этого не забудьте прихватить, — кивнул на Трофима Сеня.

— Ага, — взвился Кубышкин. — Щас... Тебя вот только не спросили, умник, и ты мне исполнением моих служебных обязанностей рот не затыкай, щенок.

— Я требую встречи с вашим начальством, и говорить буду только с ним. И отвечать буду на вопросы следователя, а не ваши, старший сержант. Ясно? Я этого так не оставлю! — завелась я, крича на Кубышкина.

Меня колотило так, что Сеня крепко обнял меня за плечи и прижал к себе, пытаясь успокоить. Я была бесконечно благодарна ему за то, что он перевел внимание Кубышкина, увлекшегося рассказом о прошлом Трофима, на себя, но успокоиться уже не могла.

— Мало того, что он убивает женщин, так он еще мне сам об этом рассказал и то, что выслеживал меня, выйдя из тюрьмы. Понимаете? Он хвастался этим!

— Да не может он быть этим серийным насильником! — выкрикнул в сердцах Кубышкин. — Он ведь на зоне петухом был, подружкой! Понятно!

— Слышь, Федорыч, маньяк, вообще-то, не насиловал свои жертвы, — тихо произнес долговязый полицейский.

— А тебе-то откуда знать это, Михрев, а? — резко отдернул его Кубышкин. Было заметно, что долговязый тихий Михрев раздражал его. — Кому это, вообще, может быть известно, если он полностью вырезал у жертв матки...

Перед глазами у меня все поплыло и Сене пришлось подхватить меня подмышки, чтобы я не упала.

— Маришь... все хорошо... слышишь меня... — словно из далека, доносился до меня его голос.

От его похлопываний по щекам, я постепенно пришла в себя.

— ...они умирали от болевого шока... — говорил Кубышкин Михреву.

— Слушайте, кончайте трепаться, — резко оборвал их диспут Сеня. — Не видите, ей плохо...

— Что-о? — с тихой угрозой протянул Кубышкин. — Ты это с кем разговариваешь, щенок! Я гляжу ты все время нарываешься?

— Я не нарываюсь... Просто не нужно рассказывать при свидетельнице, только что побывавшей в руках маньяка, о его жертвах.

— Сеня, — слабо позвала я, вцепившись в его рукав.

— А че я такого сказал?

— А ты ни че не сказал... х-ли ты все время учишь меня работать...

— Да, мне по-фигу, как ты работаешь...

— Кажется, дамочке и впрямь плохо, — попытался в свою очередь урезонить Кубышкина, Михрев.

Не представляю, чем бы все это кончилось, но накалившуюся обстановку разрядило, появление увальня, посланного старшим сержантом, осмотреть пустырь.

— Нету ножа... — отдуваясь сообщил он, появляясь в темном дверном проеме.

— Хорошо смотрел? — с подозрением спросил Кубышкин.

— А то! — обиделся увалень. — У меня вон батарейка в фонаре скоро сядет.

— И в крапиву лазил?

— Обижаетесь... О, это Трофим что ли?

— Трофим, Трофим... — проворчал Кубышкин наблюдая, как Михрев приводит его в чувство, трясая за плечи и спрашивая: «Где нож, Трофим?»

— Какой нож, Слава? — простонал, очнувшийся Трофим, и сев, со стоном схватился за голову. — Башка-то как трещит, будто три дня без просыпу пил...

— Не с перепоею она у тебя; Ведь тогда, это объясняло, что инкогнито нам с Сеней соблюдать было ни к чему, если бы мы, на самом деле оказались любовниками, как расписал здесь Кубышкин. Сняв фуражку, он почесал затылок и опп; — Ах-а, — сладострастно застонал за мной Трофим, не сводя с меня горящих восторгом глаз, получая чувственное удовольствие от моего страха и растерзанного вида. ять надел ее. бя болит. По темечку тебя хорошенько тюкнули, — посочувствовал ему Кубышкин. — Че ты здесь позабыл?

Трофим оглядывал стоящих над ним людей с невинным, ничего не понимающим видом. Сама простоп; — Витек, осмотри здесь все, — неохотно велел старший сержант тому, кто только что осматривал подвал. та! Не столкнись я с ним один на один, не виси я на веревках в его подвале, смотря на него сейчас ни за чтобы не подумала, что он способен на подобное. Я дернулась было к нему, чтобы выцарапать ему глаза, но теперь Сеня удержал меня, схватив за плечи.

— Так я... это... шел домой, с суток сегодня сменился. Гляжу, впереди дамочка эта, с парнем идут. Я ничего такого не хотел... больно они мне нужны, подсматривать за ними... — дрожащим, со слезой голосом, рассказывал Трофим. — Я только предупредить ее хотел, что мы кроме платы за месяц, дополнительно деньги собираем, на это... благоустройство парковки. Она сегодня за месяц заплатила, а об остальном я ей запомнил сказать. К концу смены совсем все из башки вылетело, а Шурик завтра поинтересуется, почему деньги у нее не спросил. Я ведь без задней мысли за вами увязался, ребята, по простоте... — повернулся он к нам с Сеней, а потом горько пожаловался Кубышкину: — Ну и поймал по башке ни за что. Может я, что-то не так сделал, а? Сергей Федорович? Так я ж не со зла...

— Ты давай того... успокойся. Может у тебя сотрясение мозга и тебе волноваться нельзя, — Михрев помог Трофиму подняться.

— Ты как? Домой пойдешь или с нами в участок? — участливо спросил его Кубышкин и чуть кивнул в сторону Сени. — Заявление напишешь о злостном хулиганстве.

— Давай, отпускаяй его, — насмешливо проговорил Сеня. — Это он сейчас белый и пушистый, а когда из подвала вылез, где Марину держал, молча напал на меня с ножом. Знаешь, что будет, если ты его отпустишь? Чья-нибудь дочь, не дай бог твоя, попадет в его в изуверские ручонки. Что тогда будешь делать, старший сержант? Рвать на себе волосы? Готов взять на себя ответственность за новые жертвы?

— Давайте, граждане, пройдемте в патрульную машину, поедем в участок, — строго велел Кубышкин, видимо решив больше не замечать Сеню. — А ты, Трофим, иди в травмпункт, пусть голову твою посмотрят и справку об увечье выдадут, а завтра с утра, явишься в участок. Что это такое, после суток работы, еще и по голове получить. Моду, понимаешь, взяли умники...

Нас отвезли в участок и сняли показания в разных кабинетах. Меня отпустили под утро. Сеню я так и не увидела. Из дома, я сразу позвонила Быкову и, рассказав все, что со мной случилось, взяла неделю отпуска, который он, еще этим утром, сам же и предлагал.

Всю эту неделю милицейский участок ходуном ходил от моей стервозности. Тем более, что на моей стороне оказался тот печальный факт, что Трофим так и не явился утром в участок, как обещал Кубышкину. Выяснилось, что и в травматический пункт он тоже не обращался и, самое главное, нашли нож Трофима в заброшенном доме под шпалой. Когда же за ним явились, ни дома ни на работе его не оказалось.

На третий день, дело по нападению окончательно закрыли и милицейское начальство, которое уже не знало куда деваться от меня, всячески скрывалось и делало вид, что страшно занято или их, попросту, нет на месте, решило что, наконец-то, отделалось от меня. Против Трофима ничего не было, кроме ножа, которое даже не стали рассматривать как оружие, а мое обвинение в том, что он и есть разыскиваемый маньяк, не потрудились рассмотреть за неимением улик. Мне заявили, что мое заявление голословно и что Трофим смирный несчастный человек, которому мы с Сеней, нанесли физическое увечье. У него, мол, итак с головой того... Хорошо, настаивала я, почему же он скрылся, исчез, почему вы не ищите его. Я хотела очной ставки. Но, вы так напугали его, дамочка, заявили мне, что он попросту спрятался. Вот увидите, объявится, нам ли его не знать.

Отлично! Я съездила в травмпункт и мне дали справку, что на моем бедре действительно имеется ножевой порез. С ней я приехала в полицию и отсидела не шуточную очередь, чтобы попасть к следователю, а потом к его начальству. На справку посмотрели и сказали: «Хорошо, мы приложим ее к делу, только нам нужен оригинал». «Почему не выпускают Сеню?» — спросила я. «Гражданин Кораблев задержан по факту хулиганского нападения и оскорбления должностного лица, находившегося при исполнении служебных обязанностей». «Какое хулиганское нападение! Вы что, с ума сошли! Он же меня спасал... Погодите, разве Трофим дал против него письменное показание?». «Нет». «Тогда почему, вы его держите? И каким образом установили, что имел место этот ваш факт хулиганского нападения?». «А таким образом, гражданочка, что его подтвердили сотрудники полиции, присутствовавшие при вашем задержании». «То есть как, задержании. Так ведь мы и вызвали, этих ваших, сотрудников милиции. Какое задержание? Послушайте, дайте мне поговорить со старшим сержантом Кубышкиным». «Нет это вы послушайте, гражданочка! Вы отрываете должностное лицо от его дел, тратя его служебное время. Вы мешаете работать». «Потрясающе! А, что, разве сейчас, занимаясь моим делом, вы не работаете?». Кстати, я узнала, что гражданину Кораблеву, всего-то, двадцать пять лет.

Я словно билась в глухую стену. Тогда я подключила юриста, рекомендованного мне Геннадием Александровичем, и вместе с ним трянули сонную и спокойную жизнь родного полицейского участка. В эту неделю наша доблестная полиция основательно растрясла свой жирок. А вот за Кубышкина, до которого я все пыталась добраться, они стояли стеной, так и не выдав его. И я так и не имела чести увидеть ни старшего сержанта, ни Сеню.

С утра восьмого дня, мой отпуск подошел к концу и когда я вошла в свой кабинет, меня ждала не только куча нераспечатанной корреспонденции, но и новостей.

— Ох, Марина Евгеньевна, мы просто поверить не могла, что вы стали жертвой маньяка. Это уму непостижимо, что им оказался какой-то охранник с парковки. Я-то представляла его каким-нибудь нелюдимым уродом из ужастиков. А наша полиция какова? Ничего удивительного, что маньяк от них сбежал. Просто удача, что вмешался этот

парнишка с «Короны»... Говорят, что его, как подозреваемого, в полиции побили, чтобы он признался во всех этих убийствах. Представляете?

— Что? — взвилась я. После схватки с полицией, нервы у меня были на пределе.

— Вика рассказала. Она к нему в участок ходила.

— Она его видела? — ревниво поинтересовалась я. — Он ей сам жаловался на побои?

Я готова была тот же час звонить юристу, чтобы снова объявить «крестовый поход» на полицейский участок. Что это такое? Мне с Сеней увидеться почему-то не дали, зато какой-то Вике за здорово живешь...

— У Вики в полиции оказался знакомый еще с тех времен, когда она мытарилась по их коридорам пытаясь восстановить паспорт. Вот он провел ее тихонечко к этому мальчику. Он, вроде бы, не жаловался, но у него на лице синяки, а уж Вика в побоях разбирается.

— Чего ради, она вдруг принялась хлопотать за совершенно чужого ей человека? — не скрывая недовольства, поинтересовалась я.

— Она говорит, что этот паренек, в свое время хорошо к ней отнесся.

— Как она сама, кстати? — подозрительность, привязанная к какому-то нехорошему чувству, бередящее душу, отпустило меня.

— Ой! — всплеснула руками Светлана, воодушевленная тем, что первая сможет рассказать мне офисные сплетни и явно, обрадованная, что можно сменить тему, наверняка заметив, как болезненно отношусь я ко всему, что касается полиции.

Я невольно напряглась, как ни крути, но за Вику я отвечала, как за свою протезе.

— Вы замечали, как тетя Галя убирается? Протрет везде пол и все дела. А мы тут с девчонками, зашли в курилку. У всех только и разговору, что о вас, да что с вами произошло и, конечно, все пепельницы, как всегда, забили. Везде окурки. Тетя Галя что, в таком случае делала — вытряхнет их и все. На третий день, очнувшись от потрясения, посмотрим, а пепельницы не то что вытряхнуты, а прямо таки стерильно вымыты. Приходим в курилку на следующий день — то же самое. А туалеты! Ладно, если, тетя Галя один раз в неделю унитаза мыла, а тут они каждый день с утра надраенные, блестят. И не только унитаза, раковины и зеркала над ними и стены вымыты. Представляете? Мы-то к такому быстренько попривыкли. В курилке девчонки смеются, соображая, как бы закрепить у Вики такое рвение. Но самое главное, мы-то думали, что Геннадий Александрович, как все мужчины, ничего этого не заметит. Поппи, правда шипел, что Викино старание показуха и все намекал, чтобы мы за своими вещичками присматривали. Девчонки сразу напряглись: от Поппи всего можно ожидать. А вчера, когда зарплату получали... Вы, Марина Евгеньевна, зайдите в кассу, деньги получить. Наталья Викторовна попросила, чтобы вы до обеда подошли за ними. Так вот, мы Вику вперед пропустили — она мальчишку в садик устраивает, бегает анализы с ним сдает, справки собирает. Вот она деньги получила и вдруг возвращается обратно. «Вы мне, — говорит Наталье Викторовне, — денег больше выдали, чем положено. Ошиблись наверное». Наталья Викторовна все пересчитала, по ведомости сверила и говорит: «Нет, все правильно. Я дала вам ровно столько, сколько в ведомости указано. Тебе, — говорит, — оклад за твое старание повысили. Так Геннадий Александрович распорядился». Ой, чуть не забыла, еще Геннадий Александрович беспокоится, что не может связаться с Родионом Дмитриевичем. Я все эти дни с телефона не слезаю. Его секретарша меня уже по голосу узнает.

— И что с ним такое? — спросила я, с удивлением подумав, что за эти дни даже не вспомнила о нем.

Я так выматывалась, что добираясь вечером домой, тут же валилась в постель. Мое противостояние с полицией требовало много времени, сил и нервов. Еще я была ужасно зла на Сеню: мог бы хотя бы дать знать о себе, тем более у него была моя сумочка и я знала, что его все-таки выпустили, под нажимом моего адвоката. Но самое главное, хотелось сказать ему о том, что мне перестал сниться мой кошмар. Во всяком случае, в эти дни мои ночи проходили спокойно. Конечно, причиной этого могла быть бурная и напряженная деятельность, которую я развила в последнюю неделю, но не скажу, что и раньше жила спокойно, все время пребывая на работе и общаясь с различной клиентурой.

— Никак не можем застать его, — жаловалась, между тем, Светлана, продолжая выкладывать накопившиеся проблемы. — Лично у меня сложилось такое впечатление, что он нарочно избегает нас. Поставщик беспокоится, ему нужно знать, к какому числу завозить продукцию, а тут какие-то детские игры в прятки.

— Я сама поговорю с поставщиком, а Родиона Дмитриевича больше не беспокой.

— Сварить вам кофе?

— Да, спасибо.

Светлана ушла, а я принялась за почту. Сперва электронную. Никаких сообщений от Родиона на нее не поступало. Одна реклама, да просьба поставщика связать его с Родионом. Половину корреспонденции составляла опять же реклама, и я ее безжалостно отправляла в мусорную корзину. Газеты просматривала по диагонали. Меня интересовали намечающиеся котировки и курс валют. Отложив было последнюю газету, я тут же снова схватила ее. Не веря собственным глазам, несколько раз прочитала заметку в криминальной колонке. В ней сообщалось, что сутки назад пропала Кубышкина Лариса Сергеевна, тринадцати лет. Последний раз ее видели в пять часов вечера, играющей с подругами во дворе. Подружки Ларисы утверждали, что она отошла к продуктовой палатке за углом за чупа-чупс, после этого они ее так и не дождались, и подумали, что Лариса ушла домой. Ниже, под фотографией миловидной девочки с большими бантами, была помещена просьба ко всем, кто знает о местонахождении Ларисы Кубышкиной, звонить по такому-то телефону.

— О, Господи! — я отшвырнула газету, закрыв лицо ладонями.

В пять часов, среди бела дня, у самого дома похитили ребенка, дочь старшего сержанта милиции. А в том, что ее похитили, я не сомневалась, как и в том, кто ее похититель. Каким же дьявольски извращенным умом надо обладать, чтобы сделать все точно по сказанным Сеней в запале, словам. Как должно быть теперь казниться старший сержант Кубышкин, понимая, что отпустил серийного маньяка, жестокого убийцу, жертвой которого теперь стал его ребенок.

Весь день я думала о девочке и позже, пытаясь сосредоточиться на разговоре с поставщиком, то и дело отгоняла от себя мысль, с чем сейчас приходится столкнуться маленькой Ларисе.

Под конец рабочего дня меня призвал к себе Быков.

— Вы связались с Родионом Дмитриевичем? — сразу же спросил он, едва я переступила порог его кабинета. — Как бы поставщик не решил, что его элементарно кинули. Догадываетесь, кому первому достанется на орехи? Правильно. Весь спрос с посредника. Так, как Марина Евгеньевна?

— Я говорила с поставщиком. Он согласен еще подождать.

— Сколько подождать?

— Дня три. Что касается заказчика, то стоит ли его баловать нашим пристальным

вниманием.

— Вы так думаете? Мы все-таки не в том положении, чтобы идти на принцип.

— Но и слезно умолять уделить нам внимание и не бросать нас, то же не годиться. Тогда все клиенты начнут вытирать о нас ноги и через день менять свои условия. Если он нашел предложение получше, то наш с ним разговор уже ничего не изменит. Если же он просто капризничает, то тем более не стоит навязываться.

— Может быть вы и правы, но мне бы хотелось определенности. Желательно, чтобы все было отлажено ранее той отсрочки, что дал нам поставщик.

Быков кивком дал мне понять, что у него ко мне все, и я могу уйти. Конечно, я беспокоилась не меньше его и не была уверена в своих словах, но видимо сумела выглядеть настолько уверенной, что успокоила Геннадия Александровича, или же он, попросту, решил пощадить меня, после всего того, что я пережила. Если так, то не ожидала от него подобной деликатности. Но неужели Родион действительно нашел другого поставщика? Почему тогда не сообщает?

В оставшееся до конца рабочего дня, время, я шарила в Интернете. Те предприятия, с которыми мог договориться через нашу голову Родион, предлагали свою продукцию не ниже той стоимости, что наш поставщик. Кроме этого, они находились в других регионах и областях, а это дорога, пошлины и выходило даже дороже. Не было никакого смысла расторгать договор с нами. Почему же тогда Родион пропал? Объяснение могло быть простым: он заболел, или уехал в командировку, но тогда бы его секретарша сказала об этом прямо.

Ушла я с работы поздно и потом еще кружила возле дома в тщетной попытке, где-нибудь припарковаться, пока наш дворник не подсказала мне, что у соседнего дома есть свободный пятак. Втиснувшись между «бьюиком» и «фиатом», я отправилась домой, но пройдя немного, остановилась и направилась в противоположную сторону. И вот, стоя на крыльце «Короны», я рассматривала висевшую на двери табличку «Учет». Пожав плечами, я направилась в обход, к служебной двери. В конце концов, в магазине осталась моя сумочка. Я вошла в незапертую служебную дверь и услышала, раздававшийся из подсобки, голоса. Напротив подсобки, где мы с Сеней пили коньяк, находился склад. Сейчас из его открытой двери сочился тусклый свет, несло слежавшейся бумагой и мукой. Я вошла и остановилась на пороге.

Сеня составлял возле стены какие-то коробки. Выцветшая футболка облегла его худощавое тело, на руках вздувались вены, когда он поднимая, забрасывал очередную коробку. Старые, свободные джинсы болтались на нем, открывая плоский живот. По мальчишески выпирали лопатки и ходили ходуном, когда он возился со своими коробками. Рядом стояла Людки что-то отмечая в списке, который приладила на картонку.

— Все у тебя не как у людей, — выговаривала она ему, не забывая считать коробки и ставить в списке очередную галочку. — Толку-то, что ты в институте учишься. Вот на черта тебе та учеба, если от нее проку никакого. Что-то я не замечала, чтобы ты хоть немного поумнел. Вон, Рафик на рынке в два раза больше нас с тобой, вместе взятых, получает, а никаких институтов не кончал. Образование семь классов в родном ауле и все. Сам мне рассказывал. Уж у него-то ума хватает в полиции лишнего не вкаты. Ты же все кому-то, что-то доказать пытаешься. Кому ты, чего доказать хочешь? Мне? Так я безо всякого знаю, что ты бесталаный. Стоило мне оставить тебя одного, и ты вляпался в историю. Хоть чему-то тебя в милиции научили, вон как изменился... Слова теперь от тебя не дожدهшься. Все

молчишь, не зубоскалишь. В милиции хорошенько, поди, поучили. Зачем надо было вступаться за эту залежавшуюся стерву? Видишь ли, ей помощь была нужна. Знаем, какая ей помощь нужна. Мне Ренат говорил, что она чуть все наше милицейское отделение к чертям не разогнала. Их начальник до сих пор успокоительное пьет. Вот был бы ты умным, давно бы догадался, что она на тебя глаз положила, а иначе чего ей сюда таскается чуть ли не каждый вечер? Нет, эту коробку в сторону отставь. Я там некондицию сложила. Бабка Клара говорит, что одна она одинешенька, вот и ищет с кем потрахаться. Каждый день в новом прикиде заявляется. Видел какие на ней тряпки, а чего бы ей не разодеваться, на кого тратиться, раз она одна — ни ребенка, ни мужа. У нее одна забота — искать кого бы в постель к себе затащить. Тебя вишь выбрала. А что? Как удобно: молодой, да еще debil в придачу. Небось еще и денег тебе отвалит и станешь ты альфонсом, Сенечка. Только она не догадывается, что и в постели с тебя никакого толку. С тобой за ночь можно только раз кончить, на большее ты не способен.

— Странно, — задумчиво проговорила я, — а у меня с ним получалось аж четыре раза.

Оба повернулись ко мне. В тусклом свете подсобки их лица казались бледными нечеткими масками с темными дырами вместо глаз.

— Извините, я забыла здесь свою сумочку...

Господи, какая сумочка! Развернувшись, я быстренько покинула магазин. Кто меня дергал за язык говорить такие вещи? Ну, хорошо, я терпеть не могу, когда кого-то так унижают, но ведь разговор не был предназначен для моих ушей. Да и Сеня не из тех, кто не способен постоять за себя, чтобы вступаться за него. Нет! Мне очень надо было вломиться в их выяснения отношений, как слону в посудную лавку. И уж, конечно, как не мне, ни разу не ложившейся с мужчиной в постель, знать сколько раз за ночь у них там это происходит. Бестолочь! Может вернуться и объясниться? Нет, будет только хуже. Сеня не дурак и поймет, что я лила воду на его мельницу и сумеет использовать мои слова в свою пользу.

Злясь на себя, на них и на весь белый свет, я направилась в супермаркет. В отместку! Там толкая тележку вдоль полок, заваленных продуктами в ярких упаковках, теряясь в изобилии, сбитая с толку мишурой оформлений и броской рекламой на которую ежесекундно натыкались глаза, я испытывала тоску и глухое раздражение.

Так толком ничего и не выбрала в огромном торговом зале, где суетились и бегали, словно на вокзале озабоченные, возбужденные люди, натыкаясь друг на друга тележками. Мелодичный голос динамика, что выдавал информацию сразу же после звукового сигнала, только усиливал сходство с вокзальной толкучкой.

Я подкатила к кассе тележку в которой перекатывалось манго и лежал пакет «Мокко». На фоне перегруженных тележек, из-за которых, порой, не видно было самих покупателей, моя покупка выглядела по-нищенски скудно. Зато здесь можно было расплатиться кредиткой, сунутой мной совершенно случайно в карман плаща, все что у меня осталось. Бумажник с деньгами, визитки, записная книжка, флэшка, ключи от квартиры и машины, все было в сумочке, которая так и осталась в «Короне». Сейчас же я пользовалась запасными ключами от квартиры, которые предусмотрительно оставила соседке, да дубликатом ключей от машины, хранящихся дома.

Пока я выстояла очередь, на улице стемнело и заметно похолодало. Небо затянуло тучами, сеял тихий мелкий дождик. Мой зонт, конечно же, остался в машине, и я прибавила шаг. Подходя к подъезду, я принялась искать ключи в карманах, не замечая ничего вокруг, когда меня окликнули.

— Марина.

Вздвогнув, я подняла голову. На оградке, окружавший палисадник, под развесистым кустом сирени, сидел Сеня, поставив ноги на нижнюю перекладину. В руках он держал мою сумочку, что покачивалась меж его худых колен.

— Привет, — сказал он. Видно было, что парень продрог в своей джинсовке и, видимо, пытаюсь согреться, курил сигарету за сигаретой, асфальт перед ним был усыпан окурками.

Мне не хотелось его видеть, не хотелось, чтобы кто-то лишний раз напоминал мне о том какая я идиотка.

— Вообще-то, здесь не сорят. Урна рядом, — недовольно заметила я, невольно поежившись от порыва холодного ветра, обдававшего мелкими дождевыми брызгами.

— Да, ладно, — огрызнулся он, тут же бросив на асфальт недокуренную сигарету, и вызывающе глянув на меня.

Преодолев сильное желание столкнуть несносного нахала с его насеста в сирень, я присела на корточки и, подобрав все окурки до единого, выбросила их в урну. После чего отряхнув ладони, протянула к нему руку и потребовала:

— Давай сумочку, и спасибо, что принес.

Но Сеня, повесив ее на плечо, спросил:

— Читала газеты?

— Да.

— Что думаешь об этом?

— Не принимай все на свой счет.

— А я и не принимаю. Я сержанта предупредил? Он меня послушал? Вот теперь и огребают по полной.

— Ты, похоже, торжествуешь?

— А я должен разрыдаться по этому поводу?

— Правильно тебе в полиции наподдавали.

— Ах, это, — Сеня потрогал скулу. Глаз в ореоле желтизны сходящего синяка, уже распрощался с отеком и выглядел вполне нормально. — Это Кубышкин перенервничал, когда его дочку похитили. Я не в обиде. Девчонку жалко, но ты не переживай. На ее розыски все менты в городе поднялись. Ориентировки разосланы по всей области. Так что пока мы здесь с тобой разговариваем, Торофима, наверняка, уже повязали.

— Что будет с малышкой? — поежилась я. Невыносимо было даже думать об этом, представляю сейчас состояние ее отца.

— А что с ней будет? Отделается лишь испугом.

— Тебе-то откуда знать, умник? — накинулась я на него. — Ты что, меня утешаешь? Меня, которой лучше чем кому-либо известно, каково побывать в руках этого извращенца! Он что угодно сделает, если ему что-то померещится!

— Трофиму девчонка живой нужна. Она гарантия того, что он уйдет целым из города. Она его заложница. Что тут, блин, непонятного? А Кубышкин наподдавал мне за то, что я, видишь ли, идею преступнику подкинул. Понятно дело — мужик психует. А ты-то чего кисейную барышню тут изображаешь, поглядеть на тебя — сейчас без чувств свалишься.

— Слушай, давай сюда мою сумку, — протянула я за ней руку, решив, что как только она окажется у меня, не откажу себе в удовольствии и, все же столкну Сеню с оградки.

— Марина, — раздался позади меня глубокий бархатный голос.

Сначала я не поверила. Все, происходящее сейчас походило на сцену из дешевой

мелодрамы. Это не могло быть правдой. Такое не может происходить на самом деле. Я обернулась.

Он стоял передо мной в длинном черном плаще с белым шарфом и смотрел мне в лицо с выражением человека, уверенного в том, что его неожиданное появление не что иное, как долгожданный подарок судьбы.

— Здравствуй, Родион, — поздоровалась я, стараясь, чтобы он не заметил моего раздражения.

Он постоял еще немного изображая сюрприз, и давая мне время выказать бурный восторг от встречи с ним. Мне стало смешно и я отчего-то покосилась на Сеню. Вот уж, кто с ехидным удовольствием наблюдал за ним.

— Может поднимемся к тебе? — сухим, не терпящим возражения тоном, предложил Родион.

— Познакомься, Родион, это Сеня. Сеня, это Родион, — представила я их, стараясь придумать, как бы повежливее отделаться, от так не вовремя появившегося Родиона.

Сеня кивнул и, подняв плечи, сторбился, защищаясь от порыва ветра, чем еще больше напоминал нахохлившегося воробья.

— Почему, ты не звонила все эти дни? — намеренно проигнорировав Сеню, глухо спросил Родион.

— Ты ошибаешься. Тебе всю неделю только и делали, что названивала...

— Но не ты, — резко перебил он меня. — Слушай, почему бы нам, не подняться к тебе и спокойно поговорить? А вы, молодой человек, можете быть свободны.

— Это Марине решать, — отозвался Сеня, не шевельнувшись на своем «насесте».

— Марина? — требовательно посмотрел на меня Родион.

— Родион Дмитриевич, вы без всякого предупреждения исчезли на целую неделю, поставив меня и фирму в недвусмысленное положение. Мне кое-как удалось успокоить свое начальство и уговорить поставщика подождать еще немного. Вы хотели, чтобы вам позвонила именно я? Так вот, я дозванивалась до вас сегодня целый день. Теперь вы появляетесь и требуете, чтобы я объяснилась с вами немедленно, но я устала и у меня на этот вечер другие планы. Думаю, будет лучше отложить наше объяснение до завтра.

— Ты серьезно? — недоверчиво смотрел он на меня. — Ты хочешь сказать, что на меня у тебя нет времени, и вместо того, чтобы просто поговорить со мной, ты предпочитаешь нянчиться с этим сосунком?

— Лучше нянчиться с сосунком, чем терпеть занудство самовлюбленного засранца, — буркнул Сеня.

— Прекрати! — испуганно прикрикнула я на него, но Родион, взяв меня за плечо, отодвинул в сторону.

— Тебе слово давали? — с тихой угрозой поинтересовался он.

— А тебе ясно сказали, что твое время истекло, — насмешливо отозвался Сеня, зябко пожимая плечами.

Родион вдруг шагнул к нему и ударил кулаком в лицо, от чего парень кувыркнулся со своего «насеста» назад, в куст сирени, мелькнув в воздухе кроссовками.

— Ты еще будешь указывать, что мне делать, рванина! — задыхаясь от ярости, прошипел Родион.

— Сеня! — взвизгнула я, перепугавшись за него не на шутку и оттолкнув Родиона, бросилась в обход оградки, в кусты.

Когда, увязая тонкими каблуками в рыхлой клумбе, я добралась до него, он уже сам благополучно выбрался из кустов.

— Подумай, что ты делаешь, — тем временем отчеканил оскорбленный Родион, с удивлением наблюдая за нами.

— Да, пошел ты! — рявкнула я и пытаюсь разглядеть побитое лицо парня, обхватила его ладонями.

— С этой минуты, ярываю с вами, Марина Евгеньевна, всякие отношения. У вас нет больше заказчика, — громко объявил Родион.

— Я в такой темноте ничего не вижу, — пожаловалась я Сене. — Давай быстро поднимемся ко мне и приложим к ушибу лед.

— Ну, ты еще горько пожалеешь об этом, — пообещал Родион тихо и, отвернувшись от нас, направился к своей машине.

— Да, какая разница, синяком больше, синяком меньше, — строптиво уворачивался от моих рук Сеня. — Вот сумочка твоя залетела в кусты... отпусти... надо ее достать...

— Да бог с ней с сумочкой, — уговаривала я его.

— Сдурела! Там же куча бабла и документы, — ворчал он, забираясь обратно в кусты.

Когда я вместе с Сеней и с вновь обретенной, перепачканной в земле, дорогой итальянской сумочкой, подобрав по пути пакет с кофе и манго, входила в подъезд, мимо на бешеной скорости пронеслась «тойота» Родиона.

Едва переступив порог квартиры, я метнулась на кухню и уже оттуда, спохватившись, пригласила Сеню, задержавшегося у двери:

— Проходи в комнату! Располагайся! Я сейчас лед принесу!

Но Сеня притащился за мной на кухню.

— Мои комплименты, сестренка, — сказал он, устроившись на диванчике.

— По поводу чего? — я подала ему мешочек со льдом, мимоходом отметив, что он не потрудился снять кроссовки и джинсовку, но меня это как-то мало тронуло. Больше беспокоила его губа. Еще в лифте я разглядела, как она у него вздулась. — Ну и видок у тебя.

— Ты, похоже, торжествуешь, — поддел он меня моими же словами. — А комплимент по поводу твоей квартиры. Ничего так хатка.

— Благодарю. Только, что скажет Людмила, когда увидит тебя завтра?

— Марин, а ты чего в магазин приходила? — поднял он на меня глаза.

— За сумочкой, — пожалала я плечами.

— Ну, да... конечно, — он осторожно потрогал губу языком. — А зачем ты сказала, что у тебя со мной было четыре раза?

— Что четыре раза? — не поняла я. — Ах это... Знаешь, не люблю когда так разговаривают с людьми. У тебя с Людмилой сложности из-за моей болтовни? Прости.

— У нас с ней уже давно никаких сложностей нет. По мне пусть себе треплется, я все равно не слушаю. Просто, думаю о своем и все. Мне по барабану.

— Что будешь, кофе или чай?

— Давай кофе.

— Вообще-то, я приходила не только из-за сумочки. Хотела сказать, что твоя терапия имела успех: мне уже не снится тот кошмар про заброшенный дом. Ты же не соизволил даже позвонить в эти дни.

— Твой сотовый был вообще недоступен, а по-домашнему тебя не застанешь.

— Ты знаешь мой адрес.

— Я не мог оставить магазин. Людка уезжала к матери на три дня и только вчера вернулась. Потом, я не хотел застать тебя с этим, твоим Родионом.

— Он не мой. У него семья. Забыл?

— Я же говорил тебе, что он козел и лузер.

— Сеня!

— Не так, что ли? И дело тут даже не в том, что он мне врезал: меня в последние дни, только и делают, что лупцуют из-за тебя, — он усмехнулся свободной стороной рта, к другому был прижат пакет со льдом.

— Спасибо, — тихо проговорила я.

Сеня замолчал.

— Я так благодарна тебе за все. И я хотела сказать тебе лишь это. Ты просто не представляешь, чем я обязана тебе.

— Ты мне ничем не обязана, — так же тихо проговорил Сеня, отняв от губы мешочек со льдом, но вдруг словно очнулся, снова напуская на себя нагловатый, беспечный вид.

Я поставила перед ним чашку со свежесваренным кофе.

— Ты ничем мне не обязана, — развязно повторил он. — Спасибо будешь говорить после своего медового месяца. Вот тогда я поверю, что ты в полном порядке.

— Нет уж! Больше никаких романов. Я устала получать оплеухи. Хочешь выпить?

— Давай.

— Виски? Ликер?

— Виски.

Когда я налила ему, он, встряхнув мешочек со льдом, высыпал из него в стакан несколько подтаявших кубиков льда. Себе я налила Бейлиз и нарезала манго.

— За тебя, — сказал Сеня, отпил немного виски, поморщившись, и глянул на меня исподлобья. — погоди, вот отойдешь от всего этого, успокоишься и все у тебя наладиться. Хочешь, кое в чем признаюсь тебе?

— Хочу, — решительно кивнула я, отчего-то оробев.

— Каждый вечер я ждал твоего прихода в магазин.

— Ты влюблен в меня? — засмеялась я, стараясь перевести все в шутку.

— У меня улучшалось настроение, когда ты появлялась, — не принимая моего шутливого тона, тихо проговорил он, — Ты всегда думала о чем-то своем, никого и ничего не замечая вокруг, и меня это здорово разбирало. Я из кожи вон лез, чтобы ты очнулась от своих мыслей и обратила на меня внимание.

— Наверное, я думала о работе.

— Не, когда ты думаешь о работе, у тебя другое выражение лица — жесткое, решительное, а когда о другом — мечтательное, нежное.

— Значит, я мечтала о баре...

— Уф! — с облегчением выдохнул Сеня. — А я уж пнбсп;одумал было, что о Родионе.

Мы засмеялись. Он допил виски и, глядя в сторону, неожиданно сказал:

— Марин, ты так сразу не кидайся на меня с пощечинами, ладно? — помолчал и решительно добавил: — Разреши мне остаться этой ночью с тобой.

Лист шестой

— Марин, ты сразу не кидайся на меня с пощечинами, ладно? — сказал Сеня, странно глядя на меня. Помолчал и решился: — Разреши мне остаться этой ночью с тобой.

— Ты хочешь переспать со мной? — уточнила я, и когда он кивнул, засмеялась: — У тебя же губа разбита...

— Это ничего, зато все остальное функционирует, — горячо заверил он, с надеждой глядя на меня. Я растерялась. Я не знала, что ответить. Я уже ничего не знала. И это его отчаянная просьба... Встав, я прихватила бокалы и пошла к раковине. Мне нужно было собраться с мыслями. Сеня подошел сзади и приник губами к моей шее. А когда его горячие ладони легли мне на грудь, я вздрогнула, но он прижался к моей спине, шепча на ухо:

— У нас все получится... вот увидишь... — и, развернув к себе, стал легонько целовать мое лицо. — Смотри на меня... думай только обо мне... — бормотал он. Я дернулась, перед глазами все плыло. — Тише, тише... — уговаривал он, пока я билась в его руках. — Посмотри на меня... Посмотри же... Это я... Я остановилась, тяжело переводя дыхание, опустила руки, перестав отталкивать его, и пока он тихо целовал меня, повторяла про себя: «Это Сеня... Сеня... это же Сеня...».

— Умница, — похвалил он меня и медленно погладил по плечу. — Ты слишком напряжена. Расслабься и доверься мне. Хорошо? Я кивнула и даже попыталась улыбнуться. Я очень хотела помочь ему... себе... но меня стало мутить. Какое-то время мы стояли, просто обнявшись, и Сеня только ласково и успокаивающе гладил меня по спине. Через какое-то время, он заставил меня поднять голову с его плеча и взглянуть ему в лицо.

— Попробуем? — шепнул он. Я не уверенно кивнула, чувствуя, как отказывают ноги, и накатывает слабость, закрыла глаза и, дрожа, прислонилась к нему. Руки, что нежно гладили, вдруг с силой подхватили меня и усадили на стол. Я не открывала глаз, чувствуя неторопливые поцелуи Сени. Его прикосновения были мягки и даже пугливы, он сразу же останавливался, чутко улавливая мое состояние. Сколько так продолжалось, я не знала. Сеня ничем не выказывал своего нетерпения. Я же в какой-то момент поймала себя на мысли, что его прикосновения даже доставляют мне удовольствие, вызывая ответное желание приласкать его. И когда я ответила на его поцелуй, Сеня с улыбкой глянул мне в лицо:

— Кажется, мы делаем успехи, а? После чего требовательно и настойчиво поцеловал меня. Наши губы раскрылись друг для друга, и Сеня опять прижал ладонь к моей груди. Я резко отстранилась и, чтобы справиться с тошнотой, глубоко и часто задышала. Сеня держал меня за плечи и, закусив губу, с тревогой наблюдал за мной.

— Давай закончим на сегодня... — сказал он, заботливо вытирая мой влажный холодный лоб.

— Нет... не уходи... — вцепилась я в его джинсовку.

— Я не уйду, но нам нужно прекратить... Ты же мучаешься...

— Нет... нет... давай попробуем еще... — замотала я головой, — попробуем еще... это... это должно закончиться.

— погоди... не слезай со стола, — удержал меня Сеня. — Тогда вот что... Я не стану трогать тебя, буду только целовать. Хорошо? Я кивнула, с трудом сглотнув. А Сеня, ободряюще поцеловав меня в лоб, коснулся губами век, щек, губ, спустился к шее. Его теплые поцелуи ложились мне на плечи и грудь. Он остановился и вопросительно, не

скрывая беспокойства, взглянул мне в лицо. Сейчас он выглядел старше своих лет, потому что взял на себя непосильную ответственность за судьбу другого. Я улыбнулась дрожащей улыбкой, внутренне ужасаясь: что я делаю? Он же еще мальчишка. Если уж мужчины не могли справиться с моим демоном, то ему, тем более не под силу. Надо было отпустить его... Нет. Просто выгнать, чтобы не связывать собой. Он не решит моей проблемы, не сорвет роковую печать с моей темницы. Все это я понимала разумом, но не душой. Я тянулась к его внутренней силе, которую чувствовала. Он стал моей надеждой. Я черпала в нем решительность.

И все же я переоценила свои возможности. Когда его руки подняли вдоль бедер мою юбку и потянул вниз трусики, я, кажется, потеряла чувства. Очнувшись от легких похлопываний по щеке, но открыв глаза, в ужасе закричала. Надо мной навис Трофим, и с гадливой улыбочкой, издевательски хлопал меня по щеке. И на нем была все та же фланелевая клетчатая рубашка. Нет! Я не хочу... Попасть еще раз в руки этого мерзавца?! За что, Боже? Что я такого сделала, что ты так наказываешь? Прости, прости меня... — Марина! Маришка... — вдруг ласково позвал Трофим, прижимая меня, бьющуюся, к себе. — Это я... Его здесь нет...

Образ Трофима начал меняться, пока не преобразился в Сеню. Я судорожно ощупывала его плечи. Значит, это был морок. Демон не хотел отступить от меня.

— Это ты? На самом деле ты...

— Ну конечно я, — Сеня крепко обнял меня, прижав мою голову к своему плечу. — Послушай, Мариш, я тебя не отдам никому, а уж тем более ему. Верить? Он тебя не получит. Я сумею защитить тебя. Я верила ему, как никому и никогда и постепенно успокаивалась. Разве не ему я смогла рассказать все? Разве не Сеня отбил меня у Трофима? И я должна бороться, ведь большая часть пути пройдена, и я уже знаю имя своего демона, и то, что его можно победить. Вместе с Сеней. Он уже почти, вывел меня из порочного круга, в который я до сих пор заключена, если бы я ему не помешала. Я должна помочь ему, всего лишь сделав усилие над собой.

— Мариш, ты справишься... — уверенно шепнул Сеня, прижавшись губами к моему виску. — Я знаю. Он собрался было скинуть джинсовку, но, заметив мою реакцию, — это живо напомнило мне то, как Трофим раздевался передо мной, — так и остался в ней. А я, преодолевая себя, собрала всю свою волю и откинулась на спину. Тело мое напряглось, и в этом напряжении, я была похожа на деревяшку. Я представила, что вот сейчас Сеня стягивает с себя джинсы, и на меня накатила дурнота. Но ведь для того, чтобы у нас что-то поучилось, он должен поступить так, уговаривала я себя, закрывая глаза. Это же Сеня... что будет со мной после того, как все случится?

Я вздрогнула от нежного, легчайшего прикосновения, там, где ожидала принять решительное, неизбежное вторжение. От этой легкой и чувствительной ласки по всему телу прошла горячая волна, изгоняя холод страха. Напряжение вдруг отпустило. Я не могла поверить, что это происходит со мной. Разве такое возможно?! Что он делает?! Так не должно... Ах! Ласка становилась настойчивее, блаженное тепло нарастало, я начала плавиться в ней, изнемогая от острого наслаждения, пока она стала просто нестерпима. Я не вынесу эту муку, слишком она тяжела своей сладостью. От нее можно и нужно умереть. Сейчас! Мне больше ничего не нужно ни на этом свете, ни на том. Я задыхалась, не в силах больше вытерпеть то, что он со мной делали, вскрикнула, открыла глаза и села. Сеня стоял перед столом на коленях, будто перед священным алтарем, а я была жертвой, которую

возложили на него, и которую он сейчас поглощал. Его взлохмаченная голова прижималась меж моих бесстыдно оголенных бедер, тогда как сам Сеня оставался в джинсовке, перепачканных джинсах и грязных кроссовках. Я запустила пальцы в его волосы, прижимая к себе еще сильнее, и тут он проник в меня языком... Тихо приходя в себя, я открыла глаза. Я опять выпала из реальности, но, боже мой, разве это могло сравниться с тем, когда я падала в обморок раньше. Никогда прежде мне не доводилось испытывать подобного. Крохотная искорка чувственности, зажженная Сеней, быстро, пробежала по моим венам, будоража, разжигая, разрастаясь, пока не разрешилась таким взрывом чувственного наслаждения, что вынесло душу из моего брэнного, непутевого тела. До меня дошло, что Сеня, склонившись надо мной, держит мою голову на весу, пытливо и испуганно вглядываясь в мое лицо. Я блаженно зажмурилась, мой затылок уютно покоился на его ладони. Он принял меня в этот мир другой, переродившейся, сердито выговаривая:

— Блин, ты чуть со всего маха не приложилась затылком о стол... Хорошо, я вовремя успел поймать тебя, — но, правильно истолковав выражения моего лица, недоверчиво спросил: — Марин, что, правда? Отвечаешь? Я только кивала, глядя на его влажные губы, потом обняла его и прижалась к ним губами, ощущая их вкус и запах. Запах моей любви. И тут заметила, что Сеню буквально трясет, и он вроде бы будто пытается освободиться от меня. Но я тянулась за ним, прижималась к нему, цеплялась, не отпуская, обвив руками и ногами.

— Марин... — слабо сопротивлялся он, — отпусти... не сейчас... тебе нельзя...

— Сейчас... сейчас... — просила я, теряя силы от нежности и благодарности, целуя его и чувствуя, что и он держится из последних сил.

— Еще рано... сейчас у тебя эйфория... — прохрипел он.

— Все в порядке. Правда... ну, пожалуйста, — я чуть не пела. Мне было легко и я, наконец-то, была свободна. Проверяя мои слова, он, расстегнув блузку, погладил мою грудь и тут же прижался к ней губами. Я дрожала, но теперь не от ужаса и непонятного отвращения, а от удовольствия и нетерпения. В считанные минуты Сеня сдернув мою одежду, накинулся на меня, на ходу стаскивая с себя джинсовку, стягивая через голову пропотевшую футболку. Он был так чудесен! Воздух охлаждал мою кожу, а его поцелуи жгли ее. Непередаваемое ощущение.

— Смотри на меня, — исступленно велел он, рывком придвигая меня к себе по столу и подхватывая под колени. — Обопрись руками...

В какой-то момент, он спохватился, почувствовав мое напряжение, но я напряглась не от его несдержанности и неумной жадности, а от того что болезненно почувствовала тот предел, за которым моя девственность была отброшена за ненужностью и никчемностью. Но болезненное ощущение длилось недолго. Мне было не до того. Я должна была насытить моего мужчину, и была вознаграждена, неожиданно провалившись вместе с ним в его безумие, ничуть не испугавшись его. Просто знала тем чутьем, доставшейся каждой женщине от нашей прародительницы Евы, что так и должно быть, что это правильно...

Задыхаясь, Сеня, запрокинув голову, протяжно закричал, с силой прижав меня к себе. Наконец-то, я видела счастье, которое подарила ему. Отстранившись, он взял мое лицо в ладони, задыхаясь и шепча:

— Умница... умница... ты справилась... А я не могла, не могла поверить, что все позади, и что мы прошли через это. Сеня не знал, какого джина выпустил из бутылки. Я была жадной, ненасытной, желая добрать, узнать, почувствовать, пережить все сейчас и

сразу. И Сеня оказался более чем щедрым.

— Ты мой терапевт, — счастливо засмеялась я, прижавшись лбом к его лбу. — Ну вот. Все позади. Да?

— Да, операция прошла успешно, но имеется одно побочное явление, — шутливо произнес он, серьезно глядя мне в глаза. — Ни с кем другим этот номер у тебя не пройдет. Он отпустил мои ноги и я, тут же сомкнула их вокруг его талии, заявив:

— Теперь, если хочешь, можешь отправляться в ванну.

— Твое предложение запоздало, — хмыкнул он, взглянув на меня потемневшими глазами. Ближе к двенадцати часам Сеня решил отдохнуть, к тому времени мы уже давно перебрались на кровать. Закинув на меня руку и ногу, он, утомленный, сладко спал. Я же так и не заснула. Слишком важным и значительным было то, что со мной произошло. Я была взволнована, и переживало новое и прежде неведомое мне, что только что испытала. Но самым главным, оказалось то всепоглощающее чувство, что я испытывала к Сене. Это уже была не просто признательность, теплая симпатия и дружеское расположение, это даже не походило на то, что я испытывала когда-то к Гене или Михаилу. Не знаю, может острота чувств к ним сгладилась со временем, но я думала, что никогда мне не забыть мучительную нежность, которой мучилась сейчас, глядя в мальчишеское лицо спящего Сени, молча плача. Не удержавшись, я легонько касалась губами его синяков и распухшей губы. Не странно ли, что судьбой было уготовано разрубить мой Гордиев узел этому мальчишке, тогда как до него пытались это сделать, да и пытались ли, мужчины много старше и опытнее. Он смог понести мой нелегкий груз. Я люблю его за эту силу и за то, что он открыл мне меня саму: разве я знала подобную глубину и необъятность своих чувств, новых и неожиданных для меня. То, что я испытывала к Родиону, было отчаянной надеждой и обидой на судьбу, от которой, как я думала, он сможет меня укрыть... Но нужна ли Сене моя любовь?

— Сеня...

— А... — отозвался он спросонья.

— Женись на мне.

— Угу.

— Я тебе ребенка рожу.

— М... м...

— Кого ты хочешь, мальчика или девочку?

— Без разницы, — он отстранился от меня и потянулся, сбив простыню на пол. — Ну вот... Зря ты меня разбудила... — сонно пробормотал он и, притянув меня, подмял под себя.

На работу я безнадежно опоздала и если честно, мне было совсем не до нее. Кое-как собранная, растрепанная я ворвалась в собственную приемную, всполошив, и без того переволновавшуюся из-за моего отсутствия Светлану, проносясь мимо нее в кабинет.

— Светочка, выручай! — крикнула на ходу. — Свари крепкий-крепкий кофе, такой, чтобы глаза на лоб полезли. Света тут же, вслед за мной, принесла кофе.

Я сварила его к вашему приходу, но вы задержались, — налив кофе, она отошла от стола, внимательно разглядывая меня. — Новый макияж? — спросила она несколько озадаченно и, покачав головой, ответила сама себе: — Нет. Такого сияния глаз никаким макияжем не достигнешь. Я смотрела на нее, едва сдерживая рвущийся счастливый смех. Причем тут макияж? Все намного проще и сложнее. Что для женщины может быть важнее и волшебнее любви. Все чудеса мира за нее! И как же не хотелось работать, а хотелось, чтобы день закончился прямо сейчас, и я могла бы убежать к Сене.

Я пила кофе маленькими глотками, когда Светлана опять заглянула в кабинет. — Марина Евгеньевна, Быков собирает у себя тех, кто занимается заказом Родиона Дмитриевича. Ждут вас.

— Что-нибудь случилось?

— Сама ничего не пойму. Сегодня не планировалось никаких совещаний, но...

— Иду. Я заставила настроиться себя на деловой лад. По дороге мне приветливо махнула рукой улыбочивая женщина, и я не сразу узнала в ней Вику. Войдя в кабинет Геннадия Александровича, где кроме него самого и двух завов, увидела Родиона и Поппи. Он-то здесь зачем? Вспомнилась вчерашняя угроза Родиона, и кольнуло нехорошее предчувствие. Неужели, он настолько мелочен, чтобы сводить со мной личные счета на работе, при всех. Как низко!

— Итак, господа, все в сборе, — начал Геннадий Александрович, как только я уселась за стол. — Поскольку это совещание собрано по вашей инициативе, Родион Дмитриевич, вам, как говорится, первому слово. Поправив галстук небесно-голубого цвета с золотым зажимом, Родион начал:

— Я хочу высказаться в открытую, на чистоту. Я разочарован работой отдельных сотрудников вашей фирмы, Геннадий Александрович, не оправдавших моих надежд, как вашего клиента. Конечно, мое замечание ни в коем случае не касается работы фирмы в целом. Я попросту счел своим долгом, как ваш друг, указать вам на небольшое упущение. Пусть лучше это буду я, чем недоброжелатель, который промолчит, но использует ваши промахи в свою пользу.

— Ага, — кивнул Геннадий Александрович и благодушно поинтересовался: — Вы обвиняете кого-то конкретно?

— Простите, я никого не обвиняю. Просто указываю вам на некомпетентность одного из ваших сотрудников, не умеющего работать с клиентами, не думающего о них и не соблюдающего их интересы.

— С вами работала Марина Евгеньевна. Речь, я так понимаю, идет о ней?

— Совершенно верно, и я...

— В чем именно проявилась ее некомпетентность?

— Хотя бы в том, что собственные интересы, Марина Евгеньевна ставит выше дела.

— Да? — удивленно взглянул на меня Геннадий Александрович. — Знаете, Родион Дмитриевич, все это несколько голословно. Все те семь лет, что Марина Евгеньевна работает в моей фирме, она разве что не ночует здесь, и никогда прежде, никаких жалоб на нее не было.

— Я понимаю — заступаясь за своего сотрудника, вы, отстаиваете честь фирмы...

— Я просто хочу понять, о чем идет речь, — перебил его Геннадий Александрович. — Марина Евгеньевна что, грубо поговорила с вами? Игнорировала ваше мнение? Выставила за дверь?

— Вот именно, Марина Евгеньевна указала мне на дверь... В кабинете встала тишина Геннадий Александрович недоверчиво смотрел то на меня, то на Родиона.

— Когда же, позвольте полюбопытствовать, это произошло? Я открыла, было, рот, чтобы сказать, что речь идет о вчерашнем вечере и наш разговор не касался дел.

— Вчера вечером, — опередил меня с ответом Родион.

— Вечером? После работы? Но... вообще-то это личное время, если вы не договаривались о встрече заранее? — Быков повернулся ко мне, ожидая моего ответа.

— Нет, — покачал головой Родион. — Мы не договаривались о встрече, но какое...

— Конечно, нет, — недовольно хмыкнул Геннадий Александрович, похоже, он начал понимать, что к чему. — На этой неделе вас не могли разыскать ни мой секретарь, ни секретарь Марины Евгеньевны, ни она сама.

— Все правильно. Поэтому, мне можно было уделить минимум времени, раз я не мог все эти дни связаться с вами, а не пренебрегать мной.

— Родион Дмитриевич, — проговорил Быков, заметно потеряв интерес к разговору. — То, что вы соизволили объявиться неделю спустя, в течение которой, вас, по-видимому, ни сколько не интересовало дело, о котором вы теперь так печетесь, делает вам честь. Похоже, вы вторглись в личную жизнь Марины Евгеньевны. Воля ваша, а я привык уважать личное время своих сотрудников, тем более тех, кто и так полностью выкладывается на работе и которых мне совершенно не в чем упрекнуть.

— Действительно, — усмехнулся Родион, постукивая паркером по полировке стола, — у нас с вами разный подход к людям. От своих сотрудников я требую умения ориентироваться в любой ситуации, в любое время дня и ночи. Сейчас вы теряете крупного заказчика в моем лице, из-за попустительства своим подчиненным. Но если вы примите надлежащие меры в отношении к Дубровиной, я буду вполне удовлетворен. Геннадий Александрович выдохнув, смерил Родиона взглядом и откинувшись на спинку кресла, расстегнул пиджак.

— Жаль, что вы не сработались с Мариной Евгеньевной. Воля ваша, не работайте с ней. Могу предложить альтернативное решение, рекомендуя вам Поппи. В его лице вы найдете партнера под стать вашим требованиям. Поппи с заискивающей улыбкой вскочил и поклонился Родиону. Тот хмуро глянул на него.

— Раз вы рекомендуете этого человека, я буду с ним работать, — не скрывая недовольства, проговорил он. — Надеюсь, господин Поппи... я правильно произношу вашу фамилию? — повернулся к нему Родион, безбожно искажив ее.

— Конечно, конечно... — торопливо забормотал тот, заливаясь краской.

— Надеюсь, мы сработаемся с вами, — веско проговорил Родион, прерывая Поппи, после чего повернулся к Быкову. — Но разве вы ничего не предпримите в отношении Дубровиной? Будь Родион наблюдательнее, он бы понял, что Геннадий Александрович не из тех на кого можно давить, диктовать свою волю, или, упаси господи, угрожать. Он бы почувствовал, что сухое предложение Быкова и есть тот предел, за который переходить не стоит. Мне было, как-то все равно и решаемая сейчас моя судьба мало трогала меня. В моей жизни появилось нечто более важное. Случись эта разборка день назад, это стало бы для меня вселенской трагедией, которую я переживала бы тяжело и болезненно. Больше всего сейчас, хотелось, чтобы эта мелкая возня, выяснения отношений, чем-нибудь да закончилась и побыстрее, мне до одури хотелось к Сене, так, что я иногда ничего не соображала. Казалось еще минута вдали от него, и я умру, если не увижу родного лица. Правда, один раз мысль о Родионе отвлекла меня от Сени. Глядя на Родиона, я удивилась, чем он мог прельстить меня. Неужели, я настолько тупа и недалека, что внешний лоск мог заслонить от меня ничтожество себялюбивой душонки. Ведь все было написано на этом правильном лице, и этот чувственный рот, будто у развращенного плейбоя, и замашки человека, привыкшего к исполнению всех своих желаний.

— Она наказана уже тем, что не будет работать с вашим заказом, — лениво и неохотно протянул Быков.

— Ну, знаете ли, — дернул Родион головой так, будто ему жал воротничок рубахи. — Когда мой сотрудник теряет заказчика, то за подобный грубый промах, я увольняю его.

— Внутренние дела вашей фирмы меня не касаются, как и вас не должны касаться внутренние дела моей, — отчеканил Быков, тяжело посмотрев на Родиона, посмеявшегося вторгнуться на его территорию. Родион понял это и поднялся, но вместо того, чтобы просто уйти, решил поиграть мускулами.

— Жаль, но в таком случае, нам с вами, Геннадий Александрович, больше не работать. Я расторгаю с вами договор, и боюсь, что этот факт отразится на репутации вашей фирмы.

— А вы не бойтесь, Родион Дмитриевич, — насмешливо проговорил Быков, не собираясь удерживать его.

— Вы хорошо подумали? Упустить такого заказчика, как я, огромная ошибка. Будут ли после этого обращаться к вашим услугам другие фирмы? Положение посредника в деловом мире очень шатко, потому что зависит от мнения работодателей.

— Приму ваши слова к сведению, — вежливая улыбка Геннадия Александровича больше походила на волчий оскал.

— Тогда позвольте откланяться, — с оскорбленным достоинством сказал Родион и нарочито медленно стал собирать свои бумаги в кожаный портфель. Он явно дожидался, когда все разойдутся, чтобы поговорить с Быковым с глаза на глаз. По-видимому, того же ждал и Поппи. Он не мог смириться с тем, что едва получив выгодное дело, тут же лишился его. Зная, что Быков потребует от меня объяснений, я тоже оставалась на месте. Но самому Быкову за глаза хватало того фарса, что устроил тут Родион и ни с кем больше не желая разговаривать, выслушивая чью-либо сторону, он вышел из кабинета.

Мы гурьбой потянулись за ним, и когда Геннадий Александрович вдруг встал в дверях, сгрудились за его спиной, стараясь не замечать друг друга. Тут Геннадий Александрович прошел вперед, и мы, наконец, смогли увидеть причину его задержки. На кожаном диване приемной, расположился сомнительного вида парень с длинными, непослушными волосами и побитым лицом. На нем была темная футболка навыпуск и вытертые джинсы с дырой на колене.

— Вы... ко мне? — с подозрением спросил Быков, вопросительно и удивленно взглянув в сторону Элеоноры Михайловны, невозмутимо сидящей за компьютером и даже не подумавшей наводить порядок в приемной. Парень оторвался от газеты, которую читал.

— Если вы Быков Геннадий Александрович, то к вам, — спокойно, ничуть не смущенный обществом, появившимся из кабинета вслед за Быковым, ответил он, открыто глядя на него.

— Да, это я, — подтвердил Быков, похоже, тихо забавляясь. — С кем имею честь?

— Кораблев Семен Петрович, — представился Сеня, протягивая Быкову руку, то ли намеренно не замечая, то ли и впрямь не заметив скрытой иронии, прозвучавшей в словах Быкова.

— У вас ко мне, полагаю, какое-то дело, Семен Петрович? Я начала подозревать, что разговором с Сеней, Быков хотел избавиться от нас, маячивших за его спиной. Нельзя же, в самом деле, предполагать, что он заинтересовался сомнительного вида посетителем, каких обычно, препоручают замам, а те, в свою очередь, охране у входа. Украдкой, я взглянула на остальных. Поппи поглядывал на Сеню с чувством превосходства комнатной болонки на невесть как забредшего на чистый паркет приبلудного пса. Что касается Родиона, то он был удивлен не меньше, чем раздражен. Украдкой взглянув на меня, он сразу же отвел глаза. А

разговор Геннадия Александровича с Сеней продолжался.

— Вам, что-нибудь говорит название «Корона»? — спросил Сеня.

— Это торговая организация с весьма разветвленной структурой и сетью магазинов.

— Я являюсь не только ее представителем, но и совладельцем дочернего магазина «У короны». Готовы ли вы говорить о заказе, который я желаю сделать. Вот мои документы и визитка, — и Сеня протянул Быкову газету, которую только что читал, с вложенными в нее документами.

— Прошу прощения, что не при фраке, — церемонно поклонился Сеня, возвращая Геннадию Александровичу его же иронию и вызвав одобрителный смешок последнего.

— Что ж, Семен Петрович, пройдемте в мой кабинет, — пригласил Геннадий Александрович, взяв у него газету с документами. — Нам предстоит обстоятельно обо всем поговорить. Элеонора Михайловна, позаботьтесь о том, чтобы нас никто не побеспокоил.

— Хорошо, — тут же отозвалась вымуштрованная секретарша Быкова.

— Это же просто смешно, — вдруг засмеялся Родион. — Вы что, серьезно собираетесь о чем-то разговаривать с подобным типом?

— Вас, что-то смущает? — поднял брови Геннадий Александрович.

— Вы не притязательны в выборе своих клиентов, раз принимаете у себя прямо с улицы, кого ни попадя, — с оскорбительной насмешкой, заметил Родион.

— Еще неизвестно, где состряпаны его документы, — поддакнул ему Поппи. — У него вид, словно он явился с помойки, а вы его сразу в кабинет впускаете. Нельзя же так. Глазом не успеете моргнуть, как он стащить что-нибудь. Я шагнула вперед.

— Я ручаюсь за Семена Петровича и подтверждаю, что он действительно работает в круглосуточном магазинчике «У Короны». Быков кивнул, принимая мое поручительство.

— Я бы на вашем месте, господин Быков, не слишком доверял особе, привлекающей в фирму клиентов хорошо известным способом, — с издевкой бросил Родион. — Похоже, вам это не известно... До меня не сразу дошел оскорбительный смысл его слов, а когда дошел, я продолжала стоять столбом не в силах поверить услышанному, беспомощно глядя, как Элеонора Михайловна выпрямилась на своем месте, возмущенно поджав губы. Поппи недвусмысленно ухмылялся в предвкушении того, как разнесет эту новость по всем отделам, постаравшись, чтобы она дошла до каждого. Быков побагровел, с отвращением глядя на Родиона. Тот, явно нарываясь, с вызовом встретил его взгляд и Быков, лишь бессильно сжал кулаки.

Сеня же шагнув Родиону, коротко ударил его снизу в челюсть. Нелепо взмахнув руками и выронив от неожиданности портфель, Родион попятился к дивану, но на ногах удержался. Обретя равновесие, он, молча, бросился на Сеню, уверенный в своем реванше, поскольку превосходил его ростом и комплекцией. Отступив в сторону и пропустив его мимо себя, Сеня, оказавшись позади него, схватив его за руку, завернул ему ее за спину так, что Родион взвывая, согнулся чуть ли не до земли.

— Я понял тебя, когда ты вчера врезал мне, но я не понял, зачем ты сейчас втягиваешь бабу в наши разборки. Это не по-мужски. Еще раз, что-нибудь подобное вякнешь о Марине Евгеньевне, размажу по стенке. Понял, нет? Сеня отпустил, корчившегося от боли Родиона, оттолкнув его от себя. Выпрямившись, Родион пригладил выбившиеся пряди волос, поправил съехавший на бок галстук небесно голубого цвета и, приняв от Поппи свой портфель, оглядел всех нас ненавидящим взглядом, после чего вышел из приемной, с силой хлопнув дверью. Нерешительно оглядываясь на Быкова, Поппи поспешил за ним.

— Ну, так, поскольку возражающая сторона удалась, мы можем теперь поговорить, — открыл Геннадий Александрович перед Сеней дверь кабинета. — А вам, Марина Евгеньевна, нужно особое приглашение? Особого приглашения мне было не нужно, напротив, если бы Быков не пригласил меня, я бы нахально присоединилась к ним сама, поскольку являлась Сениным поручителем. Но главное, я испытывала такое счастье, видя его, что это скорее походило на безумие.

Во все время его разговора с Геннадием Александровичем я смотрела и смотрела на него, не отрывая глаз от любимого лица — тонкого, умного, родного. Обычно дерзкое и насмешливое, оно теперь было собранным и серьезным. Кажется, я пропустила добрую половину их беседы, когда спохватившись, вернулась к реальности.

— Да почему ты считаешь, что он окупит себя в таком-то районе? Для здешних работяг больше понятны скамейки да подворотня, — горячился Геннадий Александрович, с озорным блеском в глазах. Так! О чем это они?

— Конечно, не окупит, — согласился Сеня, с несвойственной ему сдержанностью, — если вы говорите о таком баре, какой привыкли видеть в зарубежных фильмах. Я же говорю об адаптированном к нашей действительности заведении. Пора бы нашим мужикам завязывать культурно выпивать на скамейках и в подворотнях, как вы правильно заметили.

— Да в «каких угодно» барах у них культурно не получит, — не уступало молодому дерзкому нахальству, умудренное жизненным опытом начальство.

— В моем баре будут ограничения, для особо невоздержанных клиентов и закуска на выбор, все, что предлагает мой магазинчик.

— Не пойдут, — упрямылся Быков.

— Пойдут, — гнул свое Сеня. — Мы же говорим не о хронических алкоголиках, а о ребятах, которые возвращаясь с работы, пожелают немного расслабиться. Это реально сработает. Пить и выпивать разные вещи.

— Учить он меня будет, — проворчал Быков, довольно глядя на Сеню. — А вы, почему молчите, Марина Евгеньевна? Как считаете, это сработает?

— А это ее идея, — рассмеялся Сеня. — Она вам не союзник.

— Да понял уже, нахал ты этакий, — хмыкнул Геннадий Александрович и, вздохнув, провел ладонью по лысине, словно утешая сам себя. — Смотри сам, Семен. Дело-то хорошее. Помогу, чем смогу.

— Вот и отдайте мне Марину Евгеньевну. Мне этого будет более чем достаточно.

— Ну да, — опечалился вдруг Геннадий Александрович. — А то я не вижу, как она на тебя смотрит. Ты же ее, черт вихрастый, если не к себе в бар переманишь, то в декрет уведешь.

— Так ей пора бы уже. Дальше для нее наступит возраст риска.

Вот ведь нахал, — в досаде хлопнул ладонью по столу Быков. — Но, как говорить, бог в помощь. Ей уже действительно пора... А ты, Марина, чего все молчишь? Они говорили об мне так, словно меня здесь не было и, я ничего умнее не могла придумать, как пожать плечами.

Правильно, что молчит. Сейчас мы пойдем к Марине Евгеньевне в кабинет и там обговорим все детали, — заявил Сеня, не глядя на меня. А у меня по коже пробежали мурашки. В его словах, я услышала некий потаенный смысл и скрытое нетерпение, понятный только нам обоим. На столе зазвонил телефон. Геннадий Александрович поднял трубку, показав нам рукой, что ему не до нас, и мы можем идти. Мы вышли и в полном

молчании направились в сторону моего кабинета: я впереди, Сеня за мной. Спиной я чувствовала его взгляд. При моем появлении, Светлана оторвалась от компьютера, и открыла было рот, чтобы что-то сказать, но увидев Сеню, передумала.

— Ни с кем не соединять... меня ни для кого нет...

— Хорошо, — успела она, бросить нам вслед. Я влетела в кабинет, Сеня за мной, захлопнув за собой дверь.

— Как ты здесь оказался? Как узнал? Что все это значит?

— Полегче, полегче, — тихо засмеялся Сеня, подходя ко мне. — Я же не могу сразу ответить на все твои вопросы. Когда я очутилась в его руках, он, зарывшись лицом в мои волосы, прошептал:

— Черт, мне так плохо без тебя... — и нетерпеливо поцеловал меня.

— И поэтому ты здесь? — отстранившись, недоверчиво посмотрела я на него.

— Конечно.

— Сеня...

— Ну, ладно, — нехотя уступил он, поцеловав меня в макушку, прижимая к себе. — Я очень соскучился по тебе. Ни о чем не мог думать. Позвонил Людке, чтобы начала отрабатывать все те дни, что задолжала мне, послонялся по квартире и пошел к тебе на работу. Думал, хоть в приемной у тебя посижу — все ж ближе. Только на входе меня ваши вертухай тормознули: к кому? Да по какому делу? Ну, я и сказал, что к родственнице пришел, к Вике. Вызвали Вику. Ваш родственник? — спрашивают. Она молодец, врубилась с пол-оборота: о Сеня! Хорошо, что зашел? Я уж думала, что ты забыл о своем обещании. Ну, меня и пропустили, а Вика провела к твоему кабинету, заявив твоей секретарше, что я по делу. Свете твоей не до этого было: ей секретарша твоего босса названивала, что мол, этот гад, Родион — топит тебя. Я тут же проявляю заинтересованность и узнаю от возмущенной Светы, что этот козел замутил все из-за того, что ты отказалась стать его любовницей. Не дергайся, это оказывается здесь всем известно. Понятно, если ты являешься для заказчика и поставщика гарантом, что ни тот, ни другой тебя не кинет, то в эту самую минуту Родион элементарно «кидал» тебя и вашу фирму заодно. Тогда я по мобиле связываюсь со своей конторой, сажусь в тачку и гоню туда. Там мне готовят нужные документы, о которых мне тут же по мобиле надиктовала Света и с ними, мчусь обратно сюда. Оказалось, вовремя. Так, что твоей Свете от меня причитается огромный торт.

— Но договор с вашей фирмой, он...

— Все имеет юридическую силу, и с этого дня ты работаешь на меня. Понятно?

— И ты, правда, являешься совладельцем «У корны»?

— Правда, — пробормотал Сеня, прижимаясь губами к моей шее и подталкивая меня к столу.

— Погоди... — слабо сопротивляясь, я уже полностью подчинилась ему. — Что это за разговоры с Быковым о моем декрете. Вот это не на шутку завело Сеню, отбросившего всякую сдержанность и осторожность. И все же безраздельно отдавшись его страстности, я, словно из далека, ловила звуки и движения за дверями кабинета: как Светлана односложно кому-то отвечала по телефону, как кто-то вошел в приемную и тут же вышел, как Светлана включила принтер. Его ритмичный стук все нарастал, становясь чаще и громче, пока не заглушил собой все. Я же испытала сильное потрясение, никак не могла прийти в себя.

— Тише... родная, тише... — шептал Сеня, уткнувшись в мое плечо, и стиснув меня, глухо застонал. Негромкий стук в дверь оглушил нас, словно звук разорвавшейся бомбы.

Одним прыжком, Сеня очутился возле окна. Я же сползая со стола, окорябала поясницу. Пока мы с лихорадочной, бестолковой поспешностью приводили себя в порядок, за дверью терпеливо ждали. Юркнув на свое место за столом, я пригласила войти. Появившаяся в дверях Светлана, доложила, что звонил поставщик и просил срочно связаться с ним. Я кивнула, с трудом вникая в ее слова — сидеть в кресле без плавок было несколько... странно. К тому же я видела, что мой слишком деловой вид не обманул Светлану, как и вид Сени, с нарочитым вниманием читавшего газету, которую впопыхах прихватил с моего стола. Слишком явственно ощущалась аура чувственности, что витала здесь.

— Светлана, посмотри, сколько у нас зарегистрировано по городу баров.

— Баров? — удивилась Светлана, перестав с тонкой, все понимающей улыбкой разглядывать нас.

— Да.

— Хорошо. Она ушла, кажется заинтригованная еще больше, а я, подцепив носком туфли свои плапочки, что второпях запихнула под стол, подтащила их поближе к себе и подняла.

— Ты мне так и не объяснил, что означают твои слова о моем декрете? Сеня оторвался от газеты.

— Они означают лишь то, что мы рожаем ребенка. Тянуть с этим делом нельзя. Я читал, что роды у женщин за тридцать относятся к категории риска.

— О чем ты говоришь? Ребенок? Ты ведь даже не закончил учебу.

— Я успею защититься, пока ты будешь носить нашего ребенка.

— Сеня, я стара для тебя и для того, чтобы поднимать его, — тихо произнесла я. Я должна была это сказать, как бы трудно мне ни было открыть рот и произнести эти слова. Вся моя воля ушла на то, чтобы посметь отказаться от него и от того, что он предлагал мне: от его любви, от счастья быть с ним, быть его женой и матерью его детей... Я сама себя приговаривала к долгой мучительной казни — жить без него. И с обреченностью ждала его ответа, как приговора.

— А я на что? Ты меня удивляешь! — рассердился он. — Справимся. Выбрось из головы всю эту чепуху. Лучше прочти вот это. Он положил передо мной газету, показав, где именно я должна читать. В уже знакомой мне колонке криминальных новостей сообщалось, что ранним утром, на выезде из города, на обочине дороги, был обнаружен труп мужчины, некоего Трофима Яковлевича Кочергина, работавшим охранником на автомобильной стоянке, убитого выстрелом в затылок. Перед смертью его руки, по-видимому, были скованы наручниками, так как на его запястьях остались следы от них.

По делу об убийстве Кочергина задержан основной подозреваемый, старший сержант полиции Кубышкин С.Ф., признавшийся в содеянном преступлении. Кубышкин вину свою не отрицает, но не раскаивается. Хотя виновный в свершении тяжкого преступления утверждает, что действовал один, следствие располагает данными, что он имел сообщников из числа своих сослуживцев.

Следствие установило, что именно дочь старшего сержанта Кубышкина, Лариса была похищена Кочергеным, ранее отбывавшим срок за растление несовершеннолетних, что бесспорно явится смягчающим обстоятельством в деле об убийстве Кочергина. Тем не менее, состоявшийся самосуд не может быть оправдан. Состояние похищенной девочки трудно назвать удовлетворительным, хотя врачи уверены, что физическому насилию Лариса не подвергалась. Кроме того, следственные органы, найдя в подвале заброшенного дома, кое

какие вещи принадлежащие убитым женщинам, связывают Кочергина с делом о маньяке. Следствие уже установило, что дни, когда были убиты женщины, совпадают с днями, на которые у Кочергина выпадали выходные. Я подняла глаза от заметки.

Трофим сам нарвался, связавшись с Кубышкиным, — ответил Сеня на мой невысказанный вопрос, и с уважением добавил: — Кто ж знал, что старший сержант окажется настоящим мужиком. Я, с застывшим лицом, молча, вышла в приемную. Вид у меня был такой, что Света тут же, с испугом, протянула мне какой-то список. Машинально взяв его, я попросила:

— Позвони Аристарху Германовичу.

— Адвокату?

— Да. Звони до тех пор, пока не свяжешься с ним. Скажи, что я нанимаю его по делу об убийстве Кочергина. Пусть перезвонит мне, если это ему интересно. Обзвони все детские реабилитационные центры. Желательно самые лучшие.

— На предмет?

— На предмет ребенка, подвергшегося психологическому насилию. Если в лечении есть гипноз, отказывайся сразу. Этим вечером мы с Сеней сидели в одном из баров, выбранного нами из составленного Светланой списка. Бар назывался «Мачо». Его интерьер полностью соответствовал его названию — был грубовато ярок. Здесь предлагали текилу, забористые коктейли, пиво и пряные, острые закуски. Сеня учил меня пить текилу, слизывая соль с руки, запивая ее кактусовой водкой.

Несмотря на то, что был конец рабочего дня, посетителей здесь было немного: компания из четырех мужчин отмечавших свою встречу. Парочка, расположившаяся за столиком в углу, да две девушки, сидящие на высоких стульях у барной стойки. Компания мужчин явно забрела сюда по случаю, как в первое попавшееся заведение, что подвернулось им по пути. С парочкой тоже было все довольно ясно. Лысенький пузан был намного старше своей подружки, миниатюрной блондинки, которую снял на вечер. Две ее товарки, потягивая пиво у стойки, выжидающе поглядывали в сторону мужчин шумно предававшихся воспоминаниям о былых днях. Бармен жгучий брюнет в белоснежной рубашке и, обязательными тонкими усиками а ля Рет Батлер, старательно протирает стаканы, смотря новости по телевизору, что висел на кронштейне над стойкой.

— Отмывание денег, — подвел итог нашим наблюдениям, Сеня.

— Уверен?

— Заметила сколько стоит здесь наперсток водки? Я не стала спорить и попросила:

— Расскажи мне о своем будущем баре?

— Нашем баре, — поправил он. — Идея твоя. Наше преимущество, что место хорошо знакомо всем и каждому в округе и к нему уже протоптана дорожка. В этом смысле расположение «Короны» идеально. Туда будут заглядывать по инерции и тут важно не отпугнуть посетителей. В бар, подобный «Мачо», люди не идут потому что, во-первых, нужно соответствовать здешней обстановке, а это не очень расслабляет. Во-вторых, дорого здесь и скучно. Никто не знаком друг с другом, как в каком-нибудь кафе — пришел, ушел и все. Общения никакого. Наш бар будет тем же ночным магазинчиком, только вместо овощных прилавков, для начала, поставим три столика. Спорим, что первыми их облюбует бабка Клара со своими подругами. Конечно, это будет днем, а вечером уже подтянутся ребята с окрестных дворов. Никаких коктейлей на первое время. Из напитков: спрайт, пиво, кока-кола, кофе, вино. Ну и конечно, мороженое, выпечка, орешки, чипсы, в общем, ты меня

поняла. Если дело пойдет, и бар будет востребован местными, то постепенно он вытеснит магазинчик. Я старательно размешала кусочки льда в текиле.

— А, чего ты хочешь от жизни вообще? — тихо спросила я, желая хоть немножко узнать о человеке, которого любила. Увлеченный мыслями о баре, он не сразу понял мой вопрос.

— От жизни? — Сеня задумчиво сжевал соленый орешек. — От жизни я, вообще-то, хочу самой жизни. Хочу не жалеть о потерянном, и принимать то, что дается. Если будут деньги, положение, успех — хорошо. Если нет, перебьемся и так.

— Странное мировоззрение для того, кто занимается торговлей.

— Я изучаю экономику, потребительский рынок, технологию сбыта и построение финансовых пирамид, чтобы понять реальное влияние денежных знаков на нашу жизнь, насколько мы подчиняем им свои желания и потребности. Что значат эти абстрактные нули? Вот, например, Людка уверена, что человеком движет одно — больше заработать, даже если он уже ни в чем не нуждается. Человек, по ее мнению, только тогда состоится, если умеет везде и всюду поймать свою выгоду и не только в деньгах. Для нее это и есть умение жить. Так думает большинство.

— Здесь не влияние денег, а отношение к ним.

— Правильно, и это отношения — трагедия человека. Вечный идол — золотой телец, которого не скинуть. Кто-то желает подчинить стихию денег себе, кто-то, с удовольствием, подчиняется ей сам.

— Но механизма здесь нет, раз это стихия.

— Он есть. Есть некая основа. Дальше работает человеческий фактор.

— И, судя по тому, как ты поступил тогда с Викой, ты ему не поддаешься? Ты действовал согласно своей теории?

— При чем тут теория? Жалко ее стало.

— Я люблю тебя, — вздохнула я обреченно.

— Тогда завтра же и поженимся.

— Стара я для тебя. Сеня подпер подбородок кулаком и процедил сквозь зубы:

— За что я тебя, дуру, люблю? Я собралась ответить, но в этот момент у меня звякнул мобильный.

— Светлана? — удивилась я, услышав ее голос. — Что случилось? Откуда ты звонишь? Говори громче, я тебя плохо слышу.

— Марина Евгеньевна, я звоню из дома. Громче говорить не могу, мои легли спать. А звоню потому, что я тут у себя в справочнике нашла реабилитационный центр для детишек. Ни за что не угадаете, что это такое. Дельфинарий. Детишек после тяжелого стресса и даже с церебральным параличом лечат дельфины. Час стоит тысячу рублей. Это подойдет?

— Еще бы! Света, ты умница. А что с Аристархом Германовичем?

— Я дозвонилась ему уже из дома. Он берется защищать Кубышкина.

— Как насчет того, чтобы завтра взять день за счет фирмы?

— Вы ведь не шутите, Марина Евгеньевна?

— Нисколько. Ты хорошо сделала свою работу, как сказал бы один наш общий знакомый «сумела сориентироваться в ситуации в интересах дела», потратив свое личное время. Пожелав друг другу спокойной ночи, мы разъединились.

— Пойдем домой? — улыбаясь, спросил Сеня. Я кивнула, но так и не двинулась с места, а смотрела на него и думала, почему, собственно, я должна отказаться от своего счастья? Или я уже так привыкла быть несчастной и обделенной, что просто боюсь быть счастливой?

Действительно дура! И тут мой демон окончательно сдался и пал, навсегда разомкнув свой порочный круг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net